

Стелла РИМИНГТОН

ДЕБЮТНЫЙ ТРИЛЛЕР
БЫВШЕГО ГЛАВЫ БРИТАНСКОЙ
СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ
MI5

В ГРУППЕ

НАСТОЯЩИЙ
ХОРОШИЙ
ТРИЛЛЕР
OBSERVER

РИСК

НЕВЕРОЯТНАЯ ГОНКА
СО ВРЕМЕНЕМ

Los Angeles Times

Стелла Римингтон

В группе риска

Серия «Лиз Карлайл», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74666596

В группе риска:
ISBN 978-5-9524-6756-9

Аннотация

Офицер британской разведки Лиз Карлайл получает сведения о готовящемся теракте. Главная угроза – «террорист-невидимка», человек с британским паспортом, способный свободно перемещаться по стране, не вызывая подозрений у спецслужб. Лиз предстоит установить личность террориста, выяснить, есть ли у него сообщники и какова цель нападения. Задача осложняется тем, что расследование совместно ведут два конкурирующих ведомства – MI-5 и MI-6. Время ограничено, а в распоряжении Лиз лишь профессиональное чутье, серьезный оперативный опыт и способность предугадывать действия противника. Первая книга серии о Лиз Карлайл – дебютный роман Стеллы Римингтон, бывшего генерального директора MI-5, основанный на многолетнем опыте борьбы с подрывной деятельностью и терроризмом.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	78
Глава 11	82
Глава 12	88
Глава 13	100
Глава 14	105
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Стелла Римингтон

В группе риска

Посвящается моей внучке Шарлотте

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,
2026

Глава 1

Поезд подземки остановился плавно, но бесповоротно. Долгий вздох тормозов – и тишина.

Несколько секунд никто в переполненном вагоне не шевелился. Постепенно пассажиры ожили, задвигались. Стоявшие обеспокоенно всматривались сквозь окна в темноту туннеля, словно надеялись на какое-то дающее ясность видение или откровение.

По прикидкам Лиз Карлайл, они остановились на полпути между станциями «Морнингтон-Кресент» и «Юстон». Пять минут девятого... Она почти наверняка опоздает на работу. Лиз задыхалась от запаха влажной одежды соседей по вагону. На коленях у нее пристроился чей-то – не ее! – мокрый портфель.

Спрятав подбородок в бархатный шарф, Лиз откинула голову на спинку сиденья и осторожно вытянула ноги. Зря она надела туфли сливового цвета с заостренными мысками, купленные две недели назад, во время легкомысленного и расточительного похода по магазинам. Промокшие по пути на станцию туфли немного сморщились. По опыту она знала: дождь оставит на коже уродливые нестираемые отметины. Бесило и то, что невысокие «шпильки» постоянно застревали в трещинах между булыжниками.

Хотя Лиз десять лет прослужила в «Темз-хаус», штаб-

квартире МІ-5, она так и не научилась одеваться соответственно своему положению. Большинство ее сотрудников предпочитали одежду в темных, унылых тонах, в которой легче почувствовать себя невидимками. Темные брючные костюмы, неброские рубашки и куртки, практичные туфли – такого рода вещи можно найти в магазинах «Джон Льюис» или «Маркс энд Спенсер».

Хотя многие ее коллеги доходили до предела, культивируя почти советский стиль в одежде, Лиз инстинктивно сопротивлялась. Она часто проводила субботние вечера, роясь на лотках с винтажной одеждой на Камден-Маркет. Там можно было найти по-настоящему стильные вещи. Хотя формально она не нарушала неписаных правил контрразведывательной службы, ее манера одеваться часто вызывала удивление. Почти как в школе! Лиз невольно улыбнулась, вспомнив серые плиссированные юбки, которые в классе приходилось одергивать до предписываемой длины. После уроков юбки подтягивали вверх так, что они едва прикрывали зад. Наверное, странно бунтовать в тридцать четыре года так же, как в четырнадцать лет, но иногда серьезность и засекреченность работы в «Темз-хаус» вызывали у нее инстинктивный протест.

Перехватив ее улыбку, стоявший напротив пассажир, державшийся за ремень, оглядел ее с ног до головы. Избегая его оценивающего взгляда, Лиз украдкой оглядела его в ответ – такая привычка стала для нее второй натурой. Одет хорошо, но как-то излишне консервативно; скорее всего, он

приезжает в Лондон только на работу. Может быть, он научный сотрудник не из самых младших? Нет, костюм у него сшит на заказ... Врач? Холеные руки вроде бы подтверждали ее предположение, как и доброжелательное, но явное высокомерие в его взгляде. Наверное, он консультант, решила Лиз. У него частная практика, и его окружает с десяток восхищенных, готовых на все медсестер. В будущем он надеется попасть в какую-нибудь крупную университетскую больницу. А рядом с ним девица готического вида. Малиновые наращенные волосы, под черной кожаной курткой футболка с рок-группой The Sisters of Mercy, обилие пирсинга. Правда, девицы такого склада редко начинают свой день рано утром... Может, она работает в магазине одежды или музыкальном магазине, или... ага, все понятно! Едва заметная вмятина на большом пальце – след от ножниц. Она парикмахер, целыми днями превращает симпатичных девчушек из пригородов в героинь фильмов про вампиров.

Склонив голову, Лиз еще раз потерлась щекой о шелковистый ворс шарфа, вдыхая едва сохранившийся аромат духов, которые напоминали ей о Марке, о его глазах, губах, волосах. Он купил ей эти духи «Герлен» на Елисейских Полях (не стоит и говорить, насколько это неподобающе), а шарф от Диора – на авеню Монтень. Позже он признался, что расплачивался наличными, «чтобы не оставлять бумажный след». Чутье никогда его не подводило; жене он изменял мастерски. Лиз помнила все подробности вчерашнего вечера. Вер-

нувшись из Парижа, где он брал интервью у одной актрисы, Марк явился без предупреждения в квартиру Лиз в цокольном этаже Кентиш-Тауна. Она принимала ванну, слушала «Богему» и равнодушно пыталась разобраться в статье в «Экономисте». И вдруг – пришел Марк... Пол усыпан дорожкой белой папиросной бумагой, а в квартире разлился чудесный терпкий аромат духов «Ночной полет».

Потом они открыли бутылку «Моэт» из дюти-фри и залезли в ванну уже вместе...

– Разве Шона тебя не ждет? – виновато спросила Лиз.

– Она, скорее всего, спит, – жизнерадостно заверил ее Марк. – Сестра привозила ей детей на все выходные.

– А ты тем временем...

– Знаю. Мир жесток, верно?

Сначала Лиз не понимала, почему Марк вообще женился на Шоне. Судя по его описанию, у них как будто не было ничего общего. Марк Каллендер был слабым, не отказывал себе в удовольствиях и обладал почти женской чувствительностью; благодаря последнему качеству он стал одним из самых популярных журналистов-исследователей. Его же неизменно серьезная жена была ученой дамой и убежденной феминисткой. Шона вечно упрекала Марка за ненадежность; он ловко уклонялся от ее гнева без намека на чувство юмора. Казалось, и то, и другое бессмысленно.

Впрочем, Шона Лиз не заботила. Ее заботил Марк. Их связывают совершенно безумные отношения! Если она в

ближайшем времени что-то не предпримет, роман с ним вполне может стоить ей работы. Она любила Марка и боялась думать о том, что случится, если правда об их отношениях каким-то образом выплывет наружу. Долгое время ей казалось, что он вот-вот бросит Шону, но он ее не бросал и вряд ли когда-нибудь бросит. Со временем Лиз осознала, что Марк и Шона – как «минус» и «плюс», они неразделимы, как пара комиков Моркам и Уайз; у них вполне жизнеспособный союз.

Сидя в остановившемся поезде, она вдруг подумала: по-настоящему Марка заводит процесс превращения. Снисходя к Лиз, взъерошивая ей перышки, смеясь над ее серьезностью, он превращал ее в райскую птицу. Если бы она жила в просторной современной квартире окнами на один из лондонских парков, с гардеробами, полными изысканной дизайнерской одежды, то вообще не представляла бы для него интереса.

Ей в самом деле пора с ним покончить. Конечно, она еще не говорила о нем матери, и потому всякий раз, когда проводила выходные в родительском доме в Уилтшире, ей приходилось выслушивать проповеди о том, что ей пора «встретить хорошего человека». Намерения у мамы, несомненно, были самыми добрыми.

– Знаю, как трудно, когда нельзя говорить о работе, – начала мать накануне вечером, отрывая голову от фотоальбома, который листала, – но позавчера я читала в газете, что

в том здании вместе с тобой работают две с лишним тысячи человек и у вас для сотрудников организованы разные кружки и студии... Почему бы тебе не записаться в театральную студию, не заняться латиноамериканскими танцами или еще чем-то?

– Мама, прошу тебя! – Лиз живо представила, как к ней, сверкая глазами и гремя маракасами, подступают референты по Северной Ирландии и сотрудники Отдела авиационной разведки, а на рубашках у них разноцветные оборки.

– Я же только предлагаю, – мягко парировала мать и вернулась к своему альбому.

Через несколько минут она достала старое школьное фото Лиз.

– Помнишь Роберта Дьюи?

– Да, – осторожно ответила Лиз. – Он жил в Тизбери. Как-то раз на пикнике в Стоунхендже он описался.

– Только что открыл новый ресторан в Солсбери. За углом от театра.

– В самом деле? – удивилась Лиз. – Скажи на милость!

Мать пошла в атаку с фланга; на самом деле она хотела, чтобы Лиз вернулась домой. Детство Лиз прошло в небольшой восьмиугольной сторожке; теперь мать жила там одна и тихо надеялась, что Лиз переедет из столицы и «осядет» прежде, чем станет старой девой и ее навсегда поглотит «Город страшной ночи». Не обязательно она должна «осесть» с Робом Дьюи – Лиз так и запомнила его в промокших шор-

тах, — но с кем-то вроде него. С кем она иногда сможет наслаждаться «французской кухней», «театром» и всеми прочими изысками, к которым, несомненно, привыкла в столице.

Выпутаться из материнской паутины удалось не сразу; на автостраду Лиз выбралась только в десять вечера, а до Кен-тиш-Тауна добралась лишь в полночь. Войдя, она обнаружила, что белье, отправленное в стирку субботним утром, так и лежит в стиральной машине, киснет в мутной воде — видимо, машина остановилась посреди цикла. Было уже поздно, чтобы затевать стирку заново, не беспокоя соседей, поэтому она порылась в грудe неглаженного, нашла наименее мя-тый комплект одежды, повесила его на край ванны и приня-ла душ, надеясь, что пар разгладит складки. В постель она легла только в час ночи. Ей удалось поспать около пяти с по-ловиной часов; она не выспалась, глаза были красными, веки опухшими.

Тяжело вздохнув и вздрогнув, поезд тронулся с места. Она определенно опоздает!

Глава 2

«Темз-хаус», штаб-квартира MI-5, располагается в районе Миллбанк. Огромное, внушительное здание из портлендского камня высотой в восемь этажей притаилось, словно огромное бледное привидение, в нескольких сотнях ярдов южнее Вестминстерского дворца.

В то утро в Миллбанке, как всегда, пахло дизельными выхлопами и рекой. Плотнее закутавшись в пальто от влажного ветра, глядя себе под ноги на мокрые листья платанов, на которых так легко поскользнуться, Лиз быстро поднялась к входу. Качнув сумкой, распахнула дверь, вошла в вестибюль, быстро поприветствовала охранников за стойкой и сунула карту-пропуск в турникет. Открылась передняя часть тамбур-шлюза; когда Лиз зашла внутрь, шлюз ненадолго закрылся. Потом, как будто ей пришлось за секунду пролететь несколько световых лет, наружная дверь отъехала в сторону, и она очутилась в другом измерении. «Темз-хаус», целый город из стали и матового стекла, напоминал оживленный улей; когда Лиз вошла в лифт и стала бесшумно подниматься на пятый этаж, внутри у нее екнуло.

Разъехались двери кабины, она повернула налево и быстро зашагала к отделу 5/АХ. Ее отдел, где сидели кураторы агентурной сети, представлял собой большой, открытый в плане зал, освещенный светодиодными лентами. Вид порти-

ли вешалки, стоявшие у каждого стола. Там висела «рабочая одежда» кураторов, в случае Лиз – изношенные джинсы, черная флиски и кожаная куртка на молнии. Ее стол был почти пустым – на нем можно было увидеть лишь серый монитор с клавиатурой, кнопочный телефон и кружку с логотипом ФБР. С одной стороны стола стоял шкаф с сейфовым замком, откуда Лиз достала синюю папку.

– И вот она на финишной прямой! – негромко заметил сидящий за соседним столом Дейв Армстронг, не отрывая взгляда от своего монитора.

– Северная линия, будь она неладна! – Лиз заперла сейфовый замок. Она никак не могла отдышаться. – Поезд просто взял... и остановился в туннеле. Стоял минут десять, не меньше.

– Ну, машинист вряд ли решил устроить себе перекур, верно? – благоразумно спросил Армстронг.

Но Лиз, успевшая сбросить пальто и шарф, уже была на полпути к выходу. С папкой в руке она направлялась в комнату 6/40, этажом выше. По пути забежала в туалет и посмотрелась в зеркало. Отражение показалось ей неожиданным. Ее блестящие каштановые волосы более или менее ровно лежали у бледного овала лица. Зеленые глаза выглядели устало, но общее впечатление ее порадовало. Сойдет! Взбодрившись, она зашагала наверх.

Оперативные совещания в Объединенной контртеррористической группе, в которую она входила уже около года,

проходили в 8:30 утра по понедельникам и были направлены на координацию мер по противодействию террористическим организациям, а также постановку еженедельных разведывательных целей. Группой руководил сорокапятилетний начальник отдела Лиз, Чарльз Уэзерби; в нее входили следователи и кураторы агентов из MI-5 и офицеры связи из MI-6, Центра правительственной связи и Особого отдела лондонской полиции; при необходимости на совещаниях присутствовали представители МВД и МИД. Группа была создана сразу после теракта во Всемирном торговом центре по настоянию премьер-министра. Контрразведка не имела права быть скомпрометированной из-за отсутствия связи со смежными службами или из-за внутренней борьбы любого вида. Тогда все были не в том состоянии, чтобы спорить. За десять лет службы Лиз не могла припомнить такого редкостного единодушия.

Лиз вздохнула с облегчением, заметив, что, хотя двери в конференц-зал открыты, никто еще не занял своих мест. Слава тебе, Господи! Она бы не вынесла все эти снисходительные мужские взгляды, провожающие ее, пока она устраивалась бы за длинным овальным столом из цельной древесины. У входа два сотрудника Специальной службы, отдела Департамента уголовного розыска, похожие на головорезов, развлекали одного из коллег Лиз, пересказывая для него редакционную статью из «Дейли миррор» – сенсационную историю с участием ведущего детских телепередач, «мальчи-

ков по вызову» и подробным описанием оргий в пятизвездочном манчестерском отеле. Представитель Центра правительственной связи подошел ближе, чтобы послушать, и все же оставался достаточно далеко, чтобы его не обвинили в излишнем любопытстве. Представитель МВД читал вырезки из газет.

Чарльз Уэзерби в ожидании стоял у окна; его безупречный костюм и начищенные до блеска туфли на шнурках показались Лиз немым укором. Как оказалось, пар в ванной нисколько не разгладил ее мятую одежду. И все же на несимметричном лице Уэзерби мелькнул намек на улыбку.

– Ждем представителей «шестерки», – негромко пояснил он, глядя в окно на Воксхолл-Кросс и штаб-квартиру Секретной разведывательной службы MI-6, которая находилась совсем недалеко, в полумиле вверх по течению Темзы. – Предлагаю всем отдышаться и запастись терпением.

Лиз попыталась последовать совету шефа и окинула взглядом Ламбетский мост под пеленой дождя. Начался прилив; вода в реке поднялась и помутнела.

– Что-нибудь произошло за выходные? – спросила она, кладя на стол синюю папку.

– Ничего такого; думаю, мы быстро освободимся. Как мама?

– Злится, что не похолодало, – улыбнулась Лиз. – Она мечтает, чтобы мороз поубивал виноградных долгоносиков.

– Да, со славным морозом ничто не сравнится... Терпеть

не могу межсезонье. — Уэзерби провел пальцами с крупными суставами по седеющей шевелюре. — «Шестерка» представит кого-то новенького, очевидно, одного из их «пакистанцев».

— Мы его знаем?

— Его зовут Маккей. Бруно Маккей.

— И что же говорят о мистере Маккее?

— Он старый выпускник Харроу.

— Помните анекдот, как женщина входит в комнату, где находятся три выпускника привилегированных частных школ? Итонец спрашивает ее, не хочет ли она присесть, выпускник Винчестерского колледжа выдвигает для нее стул, а выпускник Харроу...

— Садится на него, — закончил Уэзерби, едва заметно улыбнувшись. — Вот именно!

Лиз снова повернулась к реке, радуясь, что рядом находится старший по званию, с которым можно разговаривать вот так запросто. Она посмотрела на потемневшие от дождя стены Ламбетского дворца на том берегу Темзы. Знает ли Уэзерби о Марке? Почти наверняка. О ней ему известно практически все.

— Похоже, мы наконец-то в сборе, — заметил он, бросив взгляд за ее плечо.

MI-6 на совещании представляли Джеффри Фейн, координатор контртеррористических операций, а также новичок, Бруно Маккей. После рукопожатий Уэзерби быстро закрыл двери. Перед всеми присутствующими на столе разложили

краткий обзор донесений американских секретных служб за выходные.

Маккея поприветствовали в «Темз-хаус» и представили группе. Сотрудник МП-6 только что вернулся из Исламабада, сообщил Уэзерби, где он занимал весомую должность заместителя начальника участка.

Маккей с притворной скромностью поднял руки. Загорелый, сероглазый, в твидовом костюме, явно сшитом на Сэвил-Роу, который ярко выделялся на фоне невзрачных костюмов остальных. Когда он, подавшись вперед, отвечал Уэзерби, Джефффри Фейн наблюдал за ним с холодным одобрением. Очевидно, ему стоило некоторых усилий включить молодого человека в команду.

Лиз, привыкшей к сдержанной скромности, свойственной сотрудникам «Темз-хаус», Маккей показался немного нелепым. Для человека его возраста, а ему вряд ли было больше тридцати двух – тридцати трех лет, он слишком дорого одевался. И его явная привлекательность – темный загар, уверенный взгляд серых глаз, точеные нос и губы – казалась чересчур выделяющейся. Перед ней был человек, чью внешность легко запомнить; против такого возражала вся ее профессиональная подготовка. Она покосилась на Уэзерби; тот смотрел на нее непроницаемым взглядом.

После того как с любезностями было покончено, группа приступила к донесениям из-за океана. Начал Джефффри Фейн. Высокий, тощий – Лиз он почему-то напоминал цап-

лю в узкую белую полоску, – Фейн трудился в отделе Ближнего Востока MI-6 и считался человеком непреклонным и не знающим жалости. Он занимался ИТС, «Исламским террористическим синдикатом». Так обобщенно называли группировки вроде «Аль-Каиды», «Исламского джихада», «Хамаса» и еще множество других таких же.

Закончив говорить, Фейн покровительственно посмотрел влево, на своего молодого коллегу. Подавшись вперед, Бруно Маккей поправил запонки и заглянул в свои заметки.

– Если мне позволят ненадолго сесть на моего любимого конька, – начал он, – пакистанские источники сообщают, что видели Дауда аль-Сафу. Судя по донесению, аль-Сафа посетил тренировочный лагерь «Тахт-и-Сулейман» на северо-западе страны и, возможно, связался с группировкой, известной под названием «Дети небес», которая, как подозревают, была замешана в убийстве охранника посольства США в Исламабаде полгода назад.

К острому раздражению Лиз, Маккей произносил исламские имена и названия бегло, давая понять, что он говорит по-арабски. «Что с ними со всеми не так? – подумала она. – Почему они все считают себя Т.Э. Лоуренсами или Райфами Файнсами из фильма „Английский пациент“?» Судя по искре, мелькнувшей в глазах Уэзерби, он разделял ее чувства.

– Мы в Воксхолле считаем полученные сведения важными, – между тем продолжал Маккей. – Причины две. Первая: аль-Сафа играет важную роль посредника, который пе-

редает наличные между Эр-Риядом и азиатскими террористическими группировками. Если он на ногах, значит, готовится нечто опасное. Второе. «Дети небес» – одна из немногих группировок внутри ИТС, в руководство которой входят белые. По сообщению наших источников, примерно полгода назад в лагере видели, цитирую, «двух, а может быть, трех личностей явно западной внешности». – Маккей распластал на столешнице лопатообразные, загорелые пальцы. – Нас беспокоит – и за выходные мы поделились своими соображениями со всеми отделениями, – что враг, возможно, собирается использовать «невидимку».

Он помолчал, позволяя остальным лучше понять смысл своих слов. Их не умаляла даже его расчетливая театральность. «Невидимки» на жаргоне ЦРУ – главный кошмар сотрудников разведки: террористы – уроженцы целевой страны. Обычно они местные жители, поэтому способны беспрепятственно пересекать границы страны, передвигаться по ее территории, не вызывая подозрений, и с легкостью внедряться в различные учреждения. «Невидимка» – хуже не придумаешь!

– В силу этого, – вкрадчиво продолжал Маккей, – мы предлагаем поделиться информацией со Службой иммиграции.

Представитель МВД нахмурился.

– Какова ваша точка зрения на возможные цели и временные рамки всего этого? Нам, вероятно, придется повесить

статус охраны всех правительственных зданий с черного до красного, что вызовет административные проблемы, и тут не стоит спешить.

Маккей сверился с записями.

– Пакистан уже проверяет все списки пассажиров, вылетающих из страны, уделяя особое внимание... ну-ка, посмотрим... сравнительно молодым людям до тридцати пяти лет, которые прибыли не в командировку и чье пребывание превышает тридцать дней. Так что они сразу взялись за дело. Пока нет никаких догадок о возможных целях, но мы держим ухо близко к земле. – Он покосился на Уэзерби, затем на Лиз. – И нам необходимо постоянно быть на связи с нашими агентами по эту сторону.

– Работа уже ведется, – сообщил Уэзерби. – Если они о чем-нибудь услышат, услышим и мы, но пока... – Он вопросительно посмотрел на представителя Центра правительственной связи; тот поджал губы.

– У нас чуть больше фонового шума, чем обычно. Хотя пока никаких специфических признаков. Нет ничего похожего на интенсивность, которую можно связать с крупной операцией.

Лиз украдкой оглядела присутствующих. Сотрудники Специальной службы, как обычно, помалкивали. Как всегда, они казались занятыми людьми, которые лишь напрасно тратят время на болтовню в Уайтхолле. Но оба сидели прямо и внимательно слушали.

Лиз и Маккей встретились взглядами. Он не улыбнулся и не отвел глаз, посмотрел ей прямо в лицо. Лиз продолжила осматривать зал, чувствуя, что новичок из МІ-6 по-прежнему наблюдает за ней. Его холодные глаза словно прожигали ее насквозь.

Уэзерби, в свою очередь – его усталое, незапоминающееся лицо было лишено всякого выражения, – внимательно наблюдал за Маккеем. Напряжение нарастало. Обстановку разрядил Фейн, задав общий вопрос об агентах МІ-5 в военизированных исламских сообществах.

– Насколько ваши люди готовы к действию? – спросил он. – Будут ли они среди тех, кому положено знать, когда ИТС начнет крупную операцию против нашей страны?

Уэзерби позволил ответить Лиз.

– В большинстве случаев, скорее всего, нет, – сказала она, по опыту зная, что Фейн не одобряет излишнего оптимизма. – Но у нас есть люди на нужных орбитах. Со временем они переместятся ближе к центру.

– Со временем?

– Мы не в том положении, чтобы ускорять процесс.

О Марципане она решила пока не говорить. Агент потенциально являлся сильной картой, но ему еще предстояло доказать свою ценность. Или, раз уж на то пошло, свою храбрость. Сейчас, когда их сотрудничество в самом начале, она не готова была разоблачать его – и уж точно не в таком широком кругу, как здесь.

Уэзерби, с непроницаемым видом, постукивал по губам карандашом, но Лиз по его позе поняла, что он считает ее решение правильным. Нельзя признаваться Фейну в том, что позже может обернуться против них.

А Маккей – ее вдруг слегка повело – по-прежнему не сводил с нее взгляда. Может, она, сама того не зная, передает некие сексуальные волны по гидролокации, как летучая мышь? Или Маккей из тех, кто уверен, что способен переманить на свою сторону любую встреченную им женщину, чтобы потом похвастать, что он получит ее, если захочет? Как бы там ни было, она чувствовала себя не польщенной, а скорее раздраженной.

У них над головами замигала светодиодная лента. Это означало, что совещание окончено.

Глава 3

В миле к северо-западу от них Перегрин Лейкби развалился в удобном мягком кресле в парикмахерской «Брадобрей» на Джермин-стрит. С чувством удовлетворения он посмотрелся в висящее под углом зеркало. Нелегко выглядеть элегантным, пока парикмахер суетится вокруг с полотенцами и щетками, и все же Перри Лейкби выглядел неплохо для своих шестидесяти двух лет. Он обходился без выпуклых вен, налитых кровью глаз и многочисленных подбородков, из-за которых его ровесники кажутся такими уродливыми. Глаза у Лейкби были ясными, цвета морской волны, кожа упругой, шевелюра – густой гривой цвета пушечной бронзы.

Перри понятия не имел, почему время не наказало его, как других. Ел и пил он, если не избыточно, то без всякой умеренности. Упражнялся он, если это можно так назвать, лишь изменяя жене, да еще охотился несколько дней в сезон. Если расспросить его хорошенько, он бы, наверное, объяснил сохранившуюся красоту хорошей родословной. Он с гордостью сообщал знакомым, что семья Лейкби саксонского рода.

– Доехали благополучно, сэр?

Перри раздраженно дернул бровями.

– Неплохо, если не считать деревенщину с мобильниками. Похоже, они обожают во всех подробностях и очень нудно

рассказывать миру о своей жалкой жизни.

– Прискорбно слышать, сэр. – Мистер Парк щелкнул ножами. – Сегодня же возвращаетесь к себе, за город?

– К сожалению, да. Жена пригласила гостей. Самая скучная пара в Норфолке, но куда деваться?

– В самом деле, сэр. Пожалуйста, наклоните голову.

Обычно Перри раз в месяц ездил на поезде в Лондон и, как правило, сразу шел в «Брадобрей». Здешняя обстановка, смутно напоминавшая о школе – темные панели, бобровые кисти и запах хорошего мыла, – казалась ему умиротворяющей. Перри во всем ценил последовательность; он стригся в «Брадобрее» уже несколько десятилетий. Он мог бы с тем же результатом стричься в другом месте за треть здешней цены, но такое ему и в голову не приходило. Его поездки в Лондон были бегством – не в последнюю очередь от бдительного взгляда Анны, его супруги, – и носили ритуальный характер, поэтому он их придерживался.

– Будьте добры, сэр, приподнимите подбородок.

Перри повиновался, и мистер Парк похлопал по его щекам, наполнив воздух едким ароматом.

– Что-нибудь еще, сэр?

Перри с наслаждением вдыхал аромат пудры и эссенции сицилийского лайма. Даже когда он представил, как Ральф и Диана Мандэй будут поглощать его джин, настроение у него не испортилось.

– Нет, мистер Парк. Спасибо.

Перри встал; ему подали пальто с бархатным воротником, которое он носил в столице. Поднявшись по лестнице до уровня улицы, он увидел, что хотя поднялся ветер, дождь перестал. Чего еще можно просить у декабрьского утра?

Помахивая сложенным зонтиком, Перри зашагал на запад, к Сент-Джеймсскому парку. Он шел мимо обувных салонов, магазинов трикотажа, шляпных ателье, парфюмерных магазинов, магазинов «Все для ванной комнаты», «Империи запонок» и ателье по пошиву мужских рубашек на заказ с витринами, заваленными тюками полосатой материи. Такие заведения очень радовали Перри Лейкби. Их существование подтверждало, что еще существует мир, где ценится старый порядок, а таким, как он, еще оказывают почтение. И даже если какой-то из тех старых магазинов закрылся и на его месте возникал салон мобильной связи или магазин готовой одежды «для всех», Перри закрывал на это глаза. Нельзя позволять, чтобы такие происшествия портили тебе настроение!

Дойдя до «Нью и Лингвуд», он решил порадовать себя галстуком. Он питал особое пристрастие к «Нью и Лингвуд» – такой же магазин был в Итоне, когда он там учился; скорее всего, он по-прежнему там есть. Однако в последний миг он отвернулся от двери. Вряд ли прилично возвращаться домой в новом галстуке, не купив подарок для Анны, а он не собирался тратить время на покупку подарка для нее... как и деньги, по правде говоря. В последнее время ему при-

шлось затянуть пояс, и, если он время от времени баловал себя кое-чем, платить приходилось из собственных личных сбережений. Эти сбережения были строго ограниченными, и, что бы там ни было, их не стоило транжирить на квадратики шелка или подарочные бутылки масла для ванн со стефанотисом из «Флориса».

Зато сигары – дело другое. Киплинг однажды написал: «Женщина – всего лишь женщина, зато хорошая сигара – это искушение». Вспомнив изречение писателя, Перри перешел улицу и направился в «Давидофф» на углу Сент-Джеймс-стрит. Владелец магазина вежливо приветствовал его и провел в сигарный зал, одно из любимейших мест Перри на земле. Несколько долгих мгновений он просто вдыхал воздух, насыщенный ароматами гаванских сигар. Выбор, как всегда, был широким, и Перри замер в нерешительности. Что выбрать – «партагас», «койба» или «боливар»? В конце концов вмешался владелец; он привлек его внимание к красивому старинному хьюмидору тюльпанного дерева, в котором покоилась пара дюжин «Эль Рей дель Мундо» разных размеров. Перри выбрал «Гран-Корону» и пару сигар «Лонсдейл»; взамен он протянул владельцу две крупные купюры.

Переходя Сент-Джеймс-стрит, он постоянно уклонялся от такси, которые в наши дни, похоже, совсем не оставляют места пешеходам. Затем Перри подошел к неприметному входу в клуб «Брукс». Сегодня день рождения его крестницы, которую он пригласил на обед в полдень.

Миранда Мандэй была младшей дочерью соседей Перри по Норфолку, и Перри по-прежнему понятия не имел, как вышло, что он должен отвечать за ее духовное воспитание. Однако на основе прошлого опыта он примерно представлял, как пройдут следующие несколько часов. На двадцатичетырехлетнюю девушку вряд ли произведет впечатление обстановка в клубе – сводчатые потолки, позолоченные карнизы, тяжелые темно-вишневые шторы и кожаные зеленые кресла. Она наверняка презрительно заметит, как мало в клубе женщин, без юмора поморщится при взгляде на клубное меню, выберет овощную закуску вместо основного блюда, откажется от клубного кларета в пользу минеральной воды, настоит на ромашковом чае вместо десерта и будет долго развлекать Перри зубодробительно скучными подробностями ее работы в рекламном агентстве. Ну почему, подумал он, нынешняя молодежь так ужасно серьезна?! Куда подевалось все веселье?

Войдя, он поздоровался со швейцаром Дженкинсом, снял пальто и положил зонтик на длинную стойку красного дерева. Одиннадцать тридцать. Ждать еще полтора часа.

Повинуясь порыву, вместо того чтобы сразу подняться наверх, он повернул направо, в комнату для игры в нарды, где два члена клуба как раз заканчивали партию.

– Доброе утро, Родди, – сказал Перри. – Саймон...

Какое-то время член парламента Родерик Фокс-Харпер и Саймон Фармайлоу смотрели на него, не узнавая.

– Лейкби, кажется? – спросил наконец Фармайлоу.

– Перегрин Лейкби. Сыграем партийку?

Фармайлоу удивленно поднял брови. Он был признанным турнирным игроком, но если этот голубь сам предлагает себя на заклатие...

– По десятке за очко? – предложил Перри. Молчание собеседника подстегивало его к бесшабашности.

Партия не затянулась. Фармайлоу первым же ходом выбросил две шестерки, что автоматически удваивало ставки. Через несколько минут, утвердившись, он учетверил ставку. Вместо того чтобы уступить и проиграть около 40 фунтов, Перри поддержал ставку, едва заметно улыбнувшись. Улыбка по-прежнему не сходила с его лица, когда Фармайлоу, с безупречной вежливостью, закончил партию.

– Еще одну? – предложил Перри слегка дрожащим голосом.

– Почему нет? – согласился Фармайлоу.

На сей раз дела развивались чуть лучше для Перри. Первые удачные броски поощрили его удвоить, но вскоре противник разбил его наголову.

– Ну что, закругляемся? – спросил Фармайлоу.

– Да, наверное, – буркнул Перри.

Перейдя к столу в конце зала, он выписал расписку для Фармайлоу на сто фунтов и опустил ее в щель деревянного ящика. С таким же успехом можно было купить Анне какой-нибудь дурацкий шарф! И все же не стоит подбивать ба-

ланс до конца года. День еще не закончился.

Миранда Мандэй, чья непримечательная фигура была облачена в бежевый костюм, ждала его в вестибюле. Когда они вместе поднимались по винтовой лестнице, Перри думал: по крайней мере, после обеда его крестница довольно быстро уходит. Поймав такси, он без труда успеет к двум тридцати на Шеперд-Маркет. При мысли об условленной встрече он крепче ухватился за перила; по спине побежали мурашки, а сердце забилось, как полковой барабан. Он внушал себе: у каждого мужчины есть право на тайную жизнь.

Глава 4

На другом берегу Темзы к конечной станции – вокзалу Ватерлоо – подъехал поезд «Евростар» из Парижа. Из вагона второго класса в середине состава вышла молодая женщина; из усыпляющего тепла внутри вагона она попала в бодрящий холод на платформе. Ее сразу же подхватила толпа, которая спешила к зданию вокзала. Электронные объявления эхом отдавались от сводчатого перекрытия, заглушая грохот багажных тележек и стрекот чемоданов на колесиках – звуков настолько знакомых, что пассажирка их почти не замечала. За последние несколько лет она не меньше десяти раз ездила до Северного вокзала в Париже и обратно.

Молодая женщина была одета в джинсы, парку и кроссовки «Найк». На голове – коричневая вельветовая бейсболка с «Битлз», купленная с лотка на набережной де Селестен; козырек был низко надвинут на лицо. Кроме того, несмотря на плотную облачность, она надела темные очки. На вид ей можно было дать двадцать с небольшим; она несла дорожную сумку и большой рюкзак, и в ней не было ничего, что выделяло бы ее из толпы отпускников, бодро высыпавших из поезда. Внимательный наблюдатель, возможно, заметил бы, что женщина старается быть незаметной – парка полностью скрывала фигуру, бейсболка закрывала волосы, темные очки прятали глаза, – а очень внимательный наблюдатель, воз-

можно, удивился бы, увидев ее не по сезону загоревшие руки, но утром понедельника никто не обращал особого внимания на вторую партию пассажиров. Обладатели паспортов не из стран Евросоюза должны были пройти таможенный досмотр, но подавляющее большинство из них пропускали так.

У стойки аренды машин «Авис» женщина встала в очередь из четырех человек; если бы даже она знала о камере на стене над головой, она не подавала виду. Вместо того, развернув утренний выпуск «Интернэшнл геральд трибюн», она погрузилась в чтение статьи о моде.

Резкий писк из-за стойки сопровождал ее переход в начало очереди; продавец извинился – ему как раз пришло текстовое сообщение. Когда он снова поднял голову, на его лице играла рассеянная улыбка, как будто он пытался придумать остроумный ответ. Он занимался клиенткой с должной вежливостью, но, судя по ее обломанным ногтям, неухоженным рукам и выбору машины – хэтчбэк экономкласса, – видимо, решил, что она недостойна его полного внимания. Поэтому он лишь бегло глянул на ее водительское удостоверение и паспорт. Фото как будто соответствовали – оба сделаны в фотобудке и показывали обычное размытое, слегка удивленное лицо. Короче говоря, едва клиентка ушла, о ней сразу забыли.

Женщина кинула свой багаж на пассажирское сиденье. Черная «воксхолл-астра» влилась в поток машин, который пересекал мост Ватерлоо. На въезде в туннель она почув-

ствовала, как заколотилось сердце. Дыши, велела себе она. Успокойся!

Через пять минут она заехала на стоянку. Достав из кармана парки паспорт, водительское удостоверение и договор на аренду машины, она положила их в сумку вместе с другим паспортом, который чуть раньше предъявила у стойки иммиграции. Прodelав это, она села и стала ждать, пока руки перестанут дрожать после пережитого стресса.

Она сообразила, что наступило время обеда. Надо что-то съесть. Достала из бокового кармана рюкзака багет с сыром грюйер, плитку шоколада с орехами и пластиковую бутылку минеральной воды. Она заставляла себя жевать медленно.

Потом, взглянув в зеркало, снова тронулась в путь.

Глава 5

Просматривая дело Марципана за своим столом в отделе 5/АХ, Лиз Карлайл ощутила знакомое болезненное беспокойство. Поскольку она отвечала за связь с агентами, беспокойство стало ее постоянным спутником, вечно присутствующей тенью. Правда была мрачно простой: если агенты собирались работать эффективно, им придется идти на риск.

Лиз невольно задавалась вопросом: неужели двадцатилетний Марципан по-настоящему осознает риск, которому он подвергается? В самом ли деле он понимает: если его раскроют, он вряд ли проживет дольше нескольких часов?

По-настоящему Марципана звали Сохель Дин, и он был случайным клиентом. Исключительно умный молодой человек родом из Пакистана. Его, сына обеспеченного владельца нескольких газетных киосков в Тоттенеме, приняли на юридический факультет Даремского университета. Будучи мусульманином, Сохель решил провести время до начала учебы, работая в небольшом исламском книжном магазине в лондонском районе Харингей. Платили за работу не слишком щедро, зато магазин находился рядом с домом его родителей. Кроме того, Сохель надеялся, что на работе он сможет вести религиозные диспуты с другими такими же серьезными молодыми людьми, как он сам.

Однако вскоре стало ясно, что настроения в магазине бы-

ли совсем не такими умеренными, как ему казалось. Версия ислама, которую исповедовали тамошние посетители, сильно отличалась от сострадательной веры, которую Сохель выпитал дома и в местной мечети. Экстремистские взгляды считались само собой разумеющимися, молодые люди открыто обсуждали свои намерения стать моджахедами и взять в руки меч джихада против Запада. Все они бурно радовались всякий раз, как в прессе сообщалось, что террористы поразили цель в Америке или Израиле.

Не желая вслух говорить о своем несогласии, но четко сознавая, что радость по случаю убийства гражданских лиц противна Аллаху, Сохель старался не высовываться. В отличие от других служащих он не видел причин ненавидеть страну своего рождения или презирать законодательство, которому надеялся послужить в будущем. Кульминация наступила как-то летним вечером, когда из старого «мерседеса» вышли три человека, говорившие по-арабски, и вошли в магазин. Один из коллег Сохеля ткнул его в бок, отметив старейшего из вошедших – непримечательную фигуру с редкими волосами и неряшливой бородой. После того как троицу провели в комнаты над магазином, Сохелю сообщили, что приехал Рахман аль-Масри, выдающийся боец. Возможно, его приезд означал, что Британия, наконец, попробует на вкус террор, развязанный ее сатанинским союзником, Соединенными Штатами.

Именно тогда Сохель решил действовать. В конце дня он

не сел, как всегда, на автобус, чтобы ехать домой, но, порывшись в телефонном справочнике, проехал на метро несколько остановок до «Кембридж-Хит». Выйдя и радуясь, что за ним не следят, он повыше поднял воротник куртки и под морозящим дождем направился в полицейский участок Бетнал-Грин.

Специальная служба действовала быстро; там хорошо знали Рахмана аль-Масри. Известили MI-5, рядом с книжным магазином установили наблюдательный пост, и, когда на следующий день из магазина вышли аль-Масри и двое его телохранителей, их незаметно сопровождали. Предупредили коллег из других разведывательных служб; после совместной операции, которую проводили спецслужбы нескольких стран, аль-Масри позволили бежать. Позже его взяли в аэропорту Дубая, и тайная полиция ОАЭ заключила его под стражу. Через неделю после того, что официально именовалось «интенсивными допросами», аль-Масри признался, что посетил Лондон, чтобы раздать инструкции тамошним террористическим ячейкам. Они собирались напасть на определенные цели в Лондонском Сити.

Предупрежденная, полиция смогла опознать и арестовать всех причастных лиц. Однако одной из главных целей операции было сохранение источника информации. После подробного изучения жизни Сохеля старший офицер Службы правительственной связи и Чарльз Уэзерби решили, что молодого человека стоит сделать агентом «пятерки». Уэзерби

передал его досье Лиз, и та через несколько дней приехала в Тоттенем. Их первая встреча состоялась в пустом классе вечерней школы, куда Сохель еженедельно ходил на компьютерные курсы.

Его молодость потрясла Лиз. Худощавый, скромный, аккуратно одетый, в пиджаке и галстуке, он казался школьником. Но в нем угадывался стальной стержень; после разговора с ним ее поразила непоколебимая твердость его нравственных убеждений. Ничто не оправдывает убийства, сказал Сохель, и, если донос на единоверцев поможет предотвратить преступление и уберечь доброе имя ислама от тех, кто стремится к нигилистическому апокалипсису, он с радостью так и поступит. Лиз спросила, готов ли он оставаться на прежнем месте, в книжном магазине, и встречаться с ней время от времени, чтобы передавать сведения. Сохель ответил, что готов. Он догадался, какую организацию она представляет, хотя Лиз ничего ему не говорила; казалось, участие MI-5 его нисколько не удивляет.

С тех пор они еще трижды встречались в вечерней школе. Сохель вел зашифрованный онлайн-файл в своем ноутбуке, куда записывал всех, проходящих в книжный магазин. Пока сотрудник Специальной службы ненавязчиво караулил снаружи, в коридоре, Сохель зачитывал Лиз свои донесения. Хотя в дальнейшем его сведения не имели такого большого значения, как сообщение о приходе аль-Масри, было ясно, что книжный магазин служит важным перевалочным пунк-

том для «бенладенов», как выражались в Специальной службе. Если в Великобритании планируется крупная операция с участием группировок, входящих в ИТС, велика вероятность, что Сохель, то есть Марципан, узнает о чем-то заранее. Потенциально он был для разведки настоящим самородком.

Последняя встреча оказалась трудной – во всяком случае, для Лиз. Она спросила Сохеля, не думает ли тот отложить учебу в университете еще на год и поработать в книжном магазине. Впервые она заметила, как парень дрогнул. Лиз понимала: он рассчитывал, что к осени следующего года прекратит вести двойную жизнь и избавится от стресса. Возможно, осознание того, что конец близок, помогало ему держаться. И вот она просит его остаться еще на год – на целый год, во время которого, как Лиз прекрасно понимала, может случиться что угодно. Например, его могут заставить пройти подготовку на бойца-подпольщика – несколько молодых людей, которые пили мятный чай и говорили о джихаде в комнатах над книжным магазином, совершили поездку в Пакистан, где побывали в тренировочных лагерях. Во всяком случае, отсрочка представит серьезную угрозу для его мечты стать юристом.

Смятение Сохеля прошло почти незамеченным, лишь на миг между глазами появилась складка. А затем, с тихой улыбкой, как будто хотел заверить Лиз, что все будет хорошо, он согласился продолжать.

Его храбрость задела Лиз за живое. Про себя она взмолилась, чтобы ей никогда не пришлось прийти к Сарфразе и Рухсане Дин и сказать им, что их сын погиб за свою веру и свою страну.

– Что, хреново? – спросил Дейв Армстронг, сидевший за соседним столом.

– Сам понимаешь, – ответила Лиз, закрывая досье Марципана и отъезжая на стуле от стола. – Иногда работа бывает по-настоящему дерьмовой.

– Понимаю. Да и гуляш, на который ты накинулась в столовой, тоже не улучшил твоего настроения.

– Я выбирала наугад, – рассмеялась Лиз. – А ты что взял?

– Что-то с курицей, политой садовой краской «Ронсил».

– И как?

– Точно как у них в рекламе: делает именно то, что написано на банке. – Дейв быстро напечатал что-то на клавиатуре. – Как прошло утреннее совещание? Говорят, команда из «Леголэнда» снова опоздала?

– По-моему, они взяли опоздания за правило, – поморщилась Лиз. – Привели новенького. Выпускник Харроу. Невобразимо самодовольный.

– Только не говори, что MI-6 начала набирать самодовольных выпускников дорогих частных школ, – буркнул Дейв. – Верится с трудом!

– Он пялился на меня, – продолжала Лиз.

– Со стыдом или бесстыдно?

– Бесстыдно.

– Тебе придется его убить. Пни его в лодыжку своей остроконечной туфлей, как Роза Клебб из бондианы...

– Хорошо... погоди-ка... – Лиз нагнулась к монитору, где появилась иконка, и кликнула клавишей мыши.

– Проблема?

– «Молния» от источника из Германии. Одному специалисту по фальшивым документам в Бремерхафене заказали британское водительское удостоверение. Уплачено четыреста марок. Права на имя Фараджа Мансура. Оно тебе что-нибудь говорит?

– Нет, – ответил Армстронг. – Возможно, очередной нелегальный мигрант, который хочет взять машину в аренду. Или какой-нибудь придурок, у которого отобрали права. Невозможно в каждом подозревать террориста.

– В «шестерке» считают, что ИТС мог запустить к нам «невидимку».

– Откуда?

– Из какого-нибудь пограничного лагеря на северо-западе Пакистана.

– Точно?

– Нет, только слухи. – Лиз сохранила «молнию» и поскроллила сообщения.

Дверь в зал распахнулась, и вошел сурового вида молодой человек в футболке с надписью «Арийское сопротивление».

– Эй, Барни! – воскликнул Дейв. – Как там крайне пра-

вые? Судя по твоей стрижке и подходящей обуви, вечером у тебя мероприятие?

– Да. В Ист-Хэме. Лекция о европейской языческой традиции.

– Это еще что?

– По сути, культ Гитлера в стиле нью-эйдж.

– Класс!

– Прикинь! Я стараюсь выглядеть достаточно мерзко, чтобы подобраться к нашему человеку, но не настолько ужасно, чтобы мне снесла башку «Антинацистская лига» до того, как я туда попаду.

– По-моему, ты все сделал как надо, – заметила Лиз.

– Спасибо большое. – Барни заговорщически ухмыльнулся. – Ребята, можно вам кое-что показать?

– Похоже, у тебя сенсация. Только быстро – у меня полно входящих.

Барни достал из ящика стола мягкую резиновую маску и полоску красного войлока.

– Это для рождественской вечеринки. Я нашел место, где их делают. Заказал пятьдесят штук.

Лиз недоверчиво посмотрела на маску.

– Не может быть!

– Но это блестяще! Так похоже на него...

– Знаю, но ничего не говорите. Хочу устроить Уэзерби сюрприз. Никто в этом отделе не умеет хранить секрет дольше пяти минут, поэтому я не начну раздавать их до нужного

дня.

Лиз рассмеялась; на время забыв о Сохеле Дине, она живо представила, как их начальник отдела – который обычно опаздывает на корпоративы – столкнется с пятьюдесятью лучезарно улыбающимися Дэвидами Шейлерами¹ в колпаке Санта-Клауса.

¹ Бывший сотрудник британской контрразведки MI-5, сообщивший в СМИ о злоупотреблениях спецслужб. (*Примеч. пер.*)

Глава 6

Вернувшись в Кентиш-Таун, в свой цокольный этаж, Лиз заметила, в каком прискорбном состоянии находится ее квартира. Ее можно было назвать не столько неприбранной, сколько запущенной. Почти все ее вещи по-прежнему лежат там, где она оставила их перед выходными. Из CD-проигрывателя торчит пыльный диск. Пульт валяется на ковре. Во френч-прессе остатки кофе. Везде разбросаны субботние газеты.

В квартире витал слабый похоронный запах; вчера вечером, перед тем, как лечь спать, она собиралась поставить в воду букет зимнего жасмина, подаренный матерью. Однако засохшие веточки так и остались на столе, рядом на ковре созвездия засохших пятиконечных лепестков. На автоответчике мигает красная лампочка.

Почему у нее так холодно? Лиз проверила отопление и обнаружила, что батареи отключились два часа назад. Может, в выходные был какой-то сбой в сети? Возможно, но, насколько Лиз знала, термостаты и тому подобное всегда обладали какой-то причудливой силой, которая делала их неподотчетными. Переведя время вперед, на 19:30, она услышала, как котел заработал, довольно запыхтев.

Следующие полчаса, ожидая, пока ее небольшая квартир-ка согреется, она наводила порядок. Когда помещение при-

обрело вполне пристойный вид, чтобы можно было расслабиться, она достала из морозилки готовую лазанью. Что, если замороженные продукты много раз размораживались во время отключения электричества – если его в самом деле отключали? Не отравится ли она? Поразмыслив пару минут, она несколько раз проткнула защитную фольгу, сунула упаковку в духовку и налила себе большой бокал водки с тоником.

На автоответчике было два сообщения. Первое от матери: Лиз оставила замшевую юбку и пояс на двери своей спальни в Бауэрбридже – подождут ли они ее следующего приезда?

Второе сообщение было от Марка. Он звонил ей в 12:46 из «Нобу» на Парк-Лейн, где собирался угостить дорогим обедом одну американскую актрису. Актриса опаздывала, Марк проголодался, и его мысли обратились к квартирке в цокольном этаже на Инкерман-роуд и возможности провести ночь с владелицей этой квартиры. После того как они выпьют и, возможно, поедят в «Орле» на Фаррингдон-роуд.

Лиз удалила оба сообщения. Предложение встретиться в «Орле», любимом месте журналистов из «Гардиан», – чистое безумие. Неужели он рассказал о ней своим коллегам? Неужели все знают, что у него самое шикарное из журналистских приобретений – ручная шпионка? И даже если Марк никому ничего не говорил, Лиз поняла: из области допустимого риска их игры переместились прямо в сумасшедший дом. Марк играл с ней, медленно, дюйм за дюймом, под-

талкивая к саморазрушению.

Отпив большой глоток, Лиз позвонила ему на мобильник. Она сделает это прямо сейчас – покончит с ним раз и навсегда. Да, будет очень больно, и она измучается, но ей хотелось вновь стать хозяйкой своей жизни.

Звонок сразу перевели на автоответчик; возможно, Марк уже дома, с Шоной. Там, где ему и положено быть, с горечью подумала Лиз. Расхаживая по квартире, она вдруг остановилась у стиральной машины, заметив перевернутый полукруг мутной воды. Прошлая стирка мокнет там уже два с половиной дня! В отчаянии она нажала кнопку, и машина ожила.

Глава 7

Проснувшись, Анна Лейкби увидела, что Перри стоит у открытого окна спальни и смотрит на море за парком. День был погожий, дул легкий бриз; в своем длинном китайском халате муж напоминал священника. Он успел тщательно причесать влажные волосы двумя щетками слоновой кости, лежащими на туалетном столике. А еще он, похоже, побрился.

Старикашка навел красоту, подумала Анна. Странно... Почему он так суетится с утра пораньше? Прищурившись, она посмотрела на будильник. Еще нет семи утра. Возможно, Перри и страстный поклонник Маргарет Тэтчер, но никогда не разделял ее склонности к ранним подъемам.

После того как Перри опустил окно, Анна закрыла глаза и притворилась спящей. Дверь закрылась; через пять минут ее муж вернулся в спальню с подносом, на котором стояли две кофейные чашки и блюдца. Последнее по-настоящему ее встревожило. С чего вдруг такая заботливость? Что он вчера натворил в Лондоне?

Поставив поднос на ковер – чашки тихо звякнули, – Перри тронул жену за плечо.

Анна изобразила пробуждение.

– Какой... приятный сюрприз! – Она сонно поморгала глазами, потянулась к стакану воды на тумбочке. – Чем обя-

зана...

– Спишем на глобальное потепление, – добродушно отозвался Перри. – После вчерашнего я ожидал страшное похмелье, но доброе божество меня помиловало. Более того, сияет солнце. Сегодня день создан для благодарности. И возможно, для того, чтобы сжечь остатки осенних листьев.

Анна с трудом села, оперлась о подушки и постаралась собраться с мыслями. Она не поверила в искренность супруга, который заботливо сварил ей кофе. Перри явно что-то задумал. Его оптимизм напомнил ей о том времени, когда он заставил ее купить акции «Корлисс дефенс системз». Она по опыту знала: чем он добродушнее и оживленнее, тем осторожнее ей следует быть.

– Они в самом деле полное дно, верно? – продолжал Перри.

– Кто? Торги и Диана? – Анна по-свойски называла «Торги» сэра Ральфа Мандэя, чья носатая физиономия напоминала ей собаку королевы – помесь таксы и корги. Поскольку семьи Лейкби и Мандэй владели двумя самыми крупными соперничающими поместьями в Марш-Крик, они считали себя «соседями», хотя на самом деле их дома разделяло расстояние в добрых полмили.

– Кто же еще? Как они ужасно громко говорят. Какие высокомерные душнилы... Он вещает так, словно все выучил по учебнику. А она еще хуже, ведь она...

– С кем он охотился?

– С каким-то сборищем поп-звезд в окрестностях Ху-то-на. Торги признался мне, что кто-то из них нажился на интернет-порнографии.

– Ну, ты охотился с торговцем оружием, – мягко напомнила Анна, помешивая кофе.

– Верно, но в наши дни такое вполне законно. Главное – не загонять товар африканским диктаторам из багажника грузовика.

– Джонни Фортескью заплатил за реставрацию потолка библиотеки в Хольте, продавая электронные дубинки иракской тайной полиции. Я знаю, потому что мне сказала Софи.

– Ну, не сомневаюсь, его операции вполне законны и одобрены Министерством торговли.

Несколько секунд супруги молча пили кофе.

– Скажи-ка, – негромко начала Анна, – ты ведь знаешь Рэя?

Перри посмотрел на нее. Рэй Гантер был рыбаком, который жил в деревне. Свои рыболовецкие суда и сети для ловли лобстеров он держал на частном участке пляжа в конце владений Лейкби.

– Ну да... мы ведь столько лет живем рядом. А что такое?

– Мы непременно должны поддерживать его бизнес, который он ведет на нашей территории, без конца бродя туда-сюда? Откровенно говоря, у меня от него мурашки по коже.

– В каком смысле? – нахмурился Перри.

– Он какой-то... зловещий. Поворачиваешь за угол – и

натыкаешься на него. И собаки его не любят.

– Гантеры держали лодку на берегу еще во времена моего деда, а то и раньше. Отец Рэя...

– Знаю, но отец Рэя умер. И хотя Бен Гантер был славным стариком, с которым приятно поговорить, Рэй, откровенно говоря...

– Неотесанный?

– Нет, хуже. Он, как я сказала, зловещий.

– Не согласен. Возможно, он и не самый остроумный собеседник и воняет от него не лучшим образом, но ведь он рыбак. По-моему, если мы попробуем выгнать его, нас ждут крупные неприятности. Местная пресса страшно обрадуется.

– По крайней мере, давай выясним у юристов, на что мы имеем право.

– Зачем тратить?

– А почему нет? Почему ты такой... – Анна поставила чашку на тумбочку и потянулась за очками. – И вот что еще я тебе скажу. Мне тут рассказала Софи... Ты сестру его знаешь?

– Сестру Гантера? Кайли?

– Да, Кайли. Кажется, девушка, которая ухаживает за садом Фортескью, училась с ней в школе, и она сказала Софи, что она... ну, то есть Кайли... пару вечеров в неделю работает в клубе в Кингс-Линн как стриптизерка.

– В самом деле? – Перри поднял брови. – Я не знал,

что Кингс-Линн предлагает такие сенсационные искушения. Она не говорила, как тот клуб называется?

– Перри, прекрати. Я хочу сказать, что нынешнее поколение Гантеров уже не те простые рыбаки, какими были их родители.

Перри пожал плечами.

– *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis.*

– А это еще что значит?

Перри снова подошел к окну. Посмотрел на залитое солнечным светом побережье Норфолка к востоку и западу от них.

– Времена меняются, – негромко перевел он, – и мы меняемся с ними. Рэй Гантер не делает нам ничего плохого.

Анна сняла очки и с силой положила на тумбочку. Перри бывает несговорчивым и бестолковым, когда ему так хочется. А она беспокоилась. После тридцати пяти лет брака она сразу понимала, когда он что-то замышляет, – а сейчас он явно что-то замышлял.

Глава 8

«Нью-Селеб пабликейшнз» в Хелмсфорде (Эссекс) занимало низкое модульное здание в промышленной зоне Риттл к юго-западу от города. Помещения были скромными и практичными, зато там было тепло даже в девять утра. Мелвин Истмен терпеть не мог мерзнуть, и в его кабинете с огромным окном, выходившим на внутренний двор, термостат был установлен на 20 градусов Цельсия. Не убрав со стола пальто верблюжьей шерсти, в котором он пришел десять минут назад, Истмен изучал первую полосу газеты «Сан». Коротышка с аккуратно расчесанными неестественно черными волосами, он, читая, не выдавал никаких эмоций. Наконец, подавшись вперед, он потянулся к одному из телефонных аппаратов, стоявших на столе. Говорил он негромко, но очень четко.

– Кен, сколько мы напечатали календарей «Минк парфе»?

– Около сорока, босс. – Находящийся этажом ниже начальник цеха задрал голову. – Их должны хорошо раскупать к Рождеству. А что?

– А то, Кен, что «Минк парфе» распадаются. – Взяв газету, он поднял ее так, чтобы видел начальник цеха.

– Босс, по-вашему, так и есть? Не для рекламы...

Истмен положил газету на столешницу.

– Ссылаются на личные и музыкальные расхождения.

«Фокси Дикон подтвердила, что участницы девичьего квартета пойдут своими дорогами, – прочел он. – „Мы знаем, что фанаты испытают шок, – говорит солистка Фокси (22 года), – но мы хотели все закончить на высокой ноте“. Инсайдеры утверждают, что напряженные отношения в группе начались в...» – и так далее. Мы не сможем продать эти календари.

– Простите, босс. Я не знаю, что сказать.

Истмен положил трубку; его бледное лунообразное лицо прорезала складка. Не слишком хорошее начало дня. «Нью селеб» не единственное железо, которое он ковал – календари со знаменитостями были лишь прикрытием для множества других, не таких законных видов деятельности, которые уже много раз делали его миллионером. Но его по-прежнему раздражало, что он может понести убытки размером в двадцать тысяч по прихоти горстки дешевок вроде «Минк парфе». К тому же дешевок смешанной расы. Мелвин Истмен не поддерживал мечту о мультикультурной Британии.

Ключевой игрок в одном из других видов деятельности Истмена, уколиций человек в черной куртке-бомбере и бейсболке по имени Фрэнки Феррис, сидел, прислонившись к стене. В одной руке он держал кружку с чаем. Он курил, нервно и излишне часто стряхивая пепел в корзину для мусора.

Сложив газету и аккуратно поместив ее в ту же корзину, Истмен повернулся к Феррису. Заметил, какие у того бесцветные губы и как едва заметно дрожит сигарета между

пальцами.

– Ну, Фрэнки, – тихо сказал он, – как дела?

– Я в порядке, мистер Истмен.

– Доходы поступают? Все платят свою долю?

– Да. Нет проблем.

– Есть какие-то особые просьбы?

– Харлоу и Бэзилдону нужен кет. Спрашивают, можем ли мы отправить им партию на пробу.

– Ни в коем случае. Эта конская дрянь – строго для черных и психов. Дальше!

– Марки.

– То же самое. Что-нибудь еще?

– Да. Все вдруг захотели «бабочек».

– Не «голубей»?

– «Голуби» – тоже неплохо, но «бабочки» лучше.

– Чушь, Фрэнки. Они одинаковые, как тебе известно.

– За что купил, за то продаю. – Фрэнки пожал плечами.

Мелвин Истмен кивнул и отвернулся. Достал из ящика стола пластиковый банковский конверт и протянул его Фрэнки.

Фрэнки нахмурился. С недоуменным видом повертел конверт в руках.

– На этой неделе ты получишь только три пятьсот, – тихо пояснил Истмен, – потому что я тебе явно переплачиваю. В прошлую пятницу в спортивном клубе Брентвуда ты заработал шесть пятьсот на блек-джеке.

– Простите, мистер Истмен, я...

– Подобное поведение привлекает внимание, Фрэнки, а внимание нам нужно меньше всего. Я кладу тебе в карман по тысяче в неделю не для того, чтобы ты транжирил деньги на публике, понимаешь?

Тон и выражение лица Истмена не изменились, однако в его голосе явно чувствовалась угроза. Фрэнки помнил, что последнего, кто серьезно огорчил его работодателя, прибило волнами к берегу у Фоулнесс-Айленд. Акулы объели ему лицо, и его пришлось опознавать по зубам.

– Понимаю, мистер Истмен.

– Точно понимаешь?

– Точно, мистер Истмен. Я уверен.

– Хорошо. Тогда за работу!

Передав Фрэнки острый нож, извлеченный из ящика стола, Истмен указал на четыре запечатанные картонные коробки, стоящие у одной стены. Судя по трафаретным надписям на коробках, они содержали корейские сканеры для документов.

Вскрыв печать, Фрэнки открыл первую коробку и вынул оттуда сканер, указанный на упаковке, вместе с пенопластовыми вставками. Под ним находились три туго набитых и запечатанных полиэтиленовых пакета.

– Проверить?

Истмен кивнул.

Фрэнки надрезал первую упаковку, извлек оттуда бумаж-

ный пакетик и передал его Истмену. Развернув бумагу, Истмен попробовал содержимое на вкус, кивнул и вернул пакетик Фрэнки.

– По-моему, можно брать. Только посмотри, прислал ли Амстердам «голубей» или «бабочек».

– Похоже, здесь «голуби», – испуганно ответил Фрэнки, глядя на пакет с таблетками. – Наверное, из старой партии.

Ту же операцию повторили с тремя оставшимися коробками. Фрэнки осторожно набил рюкзак пакетиками, прикрыв их сверху футболкой и парой грязных трусов.

– «Бабочки» полетят в Бэзилдон, Хелмсфорд, Брентвуд, Ромфорд и Саусэнд, – распорядился Истмен. – «Голуби» – в Харлоу, Брейнтри, Колчестер...

У него зазвонил телефон, и он поднял руку, призывая Фрэнки подождать. Во время разговора он один или два раза покосился на него, но Фрэнки смотрел сквозь прозрачный пол на нижний этаж, очевидно, поглощенный работой вилочного погрузчика.

Интересно, подумал Истмен, он сам-то употребляет? Или ограничивается только азартными играми? Может, подсластить утренний кнут небольшим пряником – сунуть ему пару пятидесятифунтовых купюр в задний карман, когда будет уходить?

В конце концов он решил этого не делать. Урок необходимо усвоить.

Глава 9

– Фарадж Мансур, – сказал Чарльз Уэзерби, убирая очки в черепаховой оправе в верхний карман. – Его имя что-нибудь вам говорит?

Лиз кивнула:

– Да... человек с таким именем на прошлых выходных купил фальшивое британское водительское удостоверение в одном из северных портов... кажется, Бремерхафене? Вчера мы получили срочное сообщение от источника из Германии.

– Он связан с террористами?

– Я пробила его по базе данных. С каким-то Фараджем Мансуром, по сведениям нашего пакистанского информанта, в начале года говорил или связывался Дауд аль-Сафа во время поездки в Пешавар.

– Аль-Сафа, посредник ИТС? Тот, о котором вчера рассказывал Маккей?

– Вот именно. Этого Мансура – хотя имя должно быть довольно распространенным – опознали как одного из полудюжины сотрудников авторемонтной мастерской в пригороде Кабула. Очевидно, аль-Сафа заходил туда в поисках подержанного автомобиля. Пакистанский источник приставил ему на хвост нескольких ребят; когда аль-Сафа двинулся дальше, они на всякий случай составили список сотрудников мастерской.

– И все?

– И все.

Уэзерби задумчиво кивнул.

– Я спрашиваю потому, что сам ничего не понимаю. Только что мне позвонил Джеффри Фейн и попросил держать его в курсе.

– В связи с Мансуром? – удивленно спросила Лиз.

– В связи с Мансуром. Пришлось сказать ему, что рассказывать пока нечего.

– И что?

– И все. Он поблагодарил меня и закончил разговор.

Лиз рассеянно оглядела голые стены. Зачем Уэзерби вызвал ее в свой кабинет для разговора, который можно было без труда провести по телефону?

– Лиз, прежде чем вы уйдете... все ли у вас в порядке? То есть... все хорошо?

Она посмотрела ему в глаза. Лицо Уэзерби было, что называется, лишено особых примет; как она ни старалась, не смогла бы подробно описать его. Иногда она вспоминала волосы и глаза цвета палой листвы, иногда асимметрию носа и губ, но подробное описание лица никак ей не давалось. Даже сейчас, сидя напротив, он как будто ускользал. Как всегда, их профессиональные отношения были пронизаны тонкой иронией, как будто они встречались в другие времена и на какой-то другой основе.

Но они никогда нигде не встречались; если не считать ра-

боты, Лиз почти ничего о нем не знала. У Уэзерби была жена, кажется страдавшая какой-то хронической болезнью, и два сына-школьника. Жили они где-то на берегу Темзы – в Шеппертоне или Санбери? На ум сразу приходили Водяной Крыс, мистер Крот и мистер Жабб из «Ветра в ивах».

Но тем ее знания и ограничивались. Лиз понятия не имела, какие у ее начальника вкусы, интересы и какую машину он водит.

– Неужели я выгляжу так, будто у меня что-то не в порядке?

– Вы выглядите нормально. Но я понимаю, что с Марципаном пришлось нелегко. Он ведь очень молод, да?

– Да.

Уэзерби едва заметно кивнул.

– А еще он один из ключевых наших активов – или будет таким, – и поэтому я поручил его вам. Вы опрашиваете его, ничего не говорите и показываете мне только результат. Пока не хочу о нем объявлять.

Лиз кивнула:

– Не думаю, что он успел попасть на радар Фейна.

– Пусть так же будет и дальше. Нам придется играть с этим молодым человеком вдолгую, а это значит – никакого давления с нашей стороны. Сосредоточьтесь на том, чтобы он как следует укоренился. Если он действительно так хорош, как вы говорите, результат будет.

– Если вы готовы ждать.

– Столько, сколько нужно. Он по-прежнему думает, что в следующем году приступит к учебе в университете?

– Нет. Не знаю, сказал он об этом родителям или нет.

Уэзерби сочувственно кивнул, встал и подошел к окну. Посмотрел на реку, а затем развернулся к Лиз лицом.

– Скажите... Как по-вашему, чем бы вы занимались, если бы не работали здесь?

– Странно, что вы спросили, – не сразу ответила Лиз. – Только сегодня утром я задавалась тем же вопросом.

– Почему именно сегодня утром?

– Я получила письмо.

Уэзерби молчал. Его молчание было задумчивым и естественным, как будто в их распоряжении все время на свете.

Сначала нехотя, не зная, сколько ему уже известно, Лиз начала наскоро описывать свою жизнь. Собственная разговорчивость ее удивила; она как будто репетировала заученную легенду. Правдоподобно – и поддается проверке, – но в то же время не совсем реально.

Больше тридцати лет ее отец служил управляющим в усадьбе Бауэрбридж в долине реки Наддер возле Солсбери. Они с матерью Лиз жили в сторожке при усадьбе; там же Лиз выросла. Однако пять лет назад Джек Карлайл умер, а вскоре после того владелец Бауэрбриджа продал имение с торгов. Лес и рощи, составлявшие охотничьи угодья, отошли местному фермеру, а дом с башенками, оранжереями и огороженным парком купил владелец сети садовых центров.

Перед отъездом прежний владелец, великодушный человек, включил в договор купли-продажи условие, по которому вдова бывшего управляющего имела право бесплатно занимать сторожку до конца своих дней и могла выкупить ее, если пожелает. Поскольку Лиз работала в Лондоне, ее мать жила в восьмиугольной сторожке одна, а когда новый владелец усадьбы устроил специализированный питомник, она стала там подрабатывать.

Поскольку Сьюзен Карлайл знала и любила усадьбу, она не могла бы подобрать для себя лучшей работы. Прошел год – и она уже работала в питомнике на полную ставку, а через полтора года и возглавила его. Когда Лиз приезжала к ней на выходные, они долго гуляли по мощеным дорожкам и травянистым аллеям; мать делилась с ней своими планами и надеждами, связанными с питомником. Они бродили по аллеям, обсаженным кустами сливочно-белой и бордовой сирени, вдыхая ее богатый аромат, мама негромко произносила названия сортов, как молитву: «массена», «декен», «красавица нанси», «персика», «конго»... В питомнике высаживали множество белых и красных камелий и рододендронов – желтых, розовато-лиловых, алых, розовых – и целые рощи восковых душистых магнолий. В разгар лета каждый уголок превращался в новое, головокружительное открытие.

В те дни, когда дождь стучал в стекло теплиц и от земли поднимались влажные садовые ароматы, они ходили по металлическим дорожкам в эдвардианских оранжереях, и Сью-

зен объясняла различные техники размножения, а ряды черенков и саженцев тянулись до бесконечности.

Мама явно надеялась, что когда-нибудь, в не слишком далеком будущем, Лиз решит покинуть Лондон и посвятить себя управлению питомником. Тогда мать и дочь будут счастливо жить в сторожке, а со временем подвернется и «хороший человек», отдаленно напоминающий рыцаря Ланселота.

Лиз вовсе не противилась этой мысли. Мечта вернуться домой, просыпаться в спальне, где она спала в детстве и проводила дни в окружении светлого кирпича и зелени Бауэрбриджа, соблазняла. Она совсем не возражала и против красивых рыцарей на белых конях. Но на самом деле понимала: зарабатывать себе на жизнь в сельской местности мучительно тяжело и подразумевает намеренное сужение горизонтов. Пока же ее вкусы, друзья и мнения были связаны со столицей, и она не думала, что ей хватит сил постоянно жить за городом. Бесконечный дождь, властные тамошние жительницы с их мелочным высокомерием и четырехколесными повозками, местные газеты, где совсем нет новостей, зато много рекламы сельскохозяйственной техники. Как Лиз ни любила мать, она понимала: ей не хватит на все терпения.

И вот Сьюзен прислала письмо. Она сообщала, что решила купить сторожку. Она собиралась вложить в покупку все свои сбережения, а также все, что заработала в питомнике плюс страховку, выплаченную после смерти мужа.

– Думаете, она пытается заманить вас туда? – тихо спро-

сил Уэзерби.

– В каком-то смысле да, – ответила Лиз. – В то же время это великодушное решение. То есть... сама-то она может жить там бесплатно до конца своих дней, поэтому сейчас думает обо мне. Трудность в том, что, как мне кажется, она надеется на... – Лиз поставила стакан на стол и пожала плечами, – на ответный жест. А я сейчас просто не могу мыслить, как она.

– Есть что-то в тех местах, где ты вырос, – заметил Уэзерби. – Скорее всего, по-настоящему туда уже не вернуться... пока ты не изменился и не сможешь увидеть то место другими глазами. А иногда не возвращаешься даже тогда.

В радиаторе за его столом что-то застучало; слабо запахло разогретой пылью. За окнами контуры зданий расплывались на фоне зимнего неба.

– Простите, – сказала Лиз. – Не собиралась грузить вас своими не слишком важными проблемами.

– Вы вовсе меня не грузите. – Уэзерби задумчиво смотрел на нее. – Вас здесь очень ценят.

Какое-то время Лиз сидела неподвижно, догадываясь о том, что осталось невысказанным, а затем решительно поднялась.

– А – тебя повысили, – отважился предположить Дейв Армстронг, когда спустя несколько минут она вернулась к себе за стол. – Б – тебя уволили. В – несмотря на официальное неодобрение, ты издаешь свои мемуары. Г – ничего из

вышеперечисленного.

– Вообще-то, – доверительно сообщила Лиз, – я перебегаю в Северную Корею. Пхеньян в это время года чудесен. – Она задумчиво покрутилась на стуле. – Ты когда-нибудь говорил с Уэзерби о чем-нибудь, кроме работы?

– Нет, – ответил Дейв, медленно набирая что-то на клавиатуре. – Однажды он спросил меня, знаю ли я, какой счет в контрольном матче по крикету, но, наверное, ни о чем более личном мы не говорили. А что?

– Да так. Уэзерби – фигура туманная даже для этого места. Ты так не считаешь?

– По-твоему, чтобы продемонстрировать свою ответственность, ему стоит принять участие в шоу «Большой брат. Знаменитости»?

– Ты понимаешь, что я имею в виду!

– Да, наверное. – Дейв мрачно уставился в монитор. – Слова «Милад-ун Наби» что-нибудь тебе говорят?

– Да. Милад-ун Наби – день рождения Пророка. Кажется, в конце мая.

– Спасибо!

Лиз заметила, что на ее стационарном телефоне мигает красная лампочка. Она удивилась, услышав, что ее приглашает на обед Бруно Маккей.

«Понимаю, что приглашаю в последнюю минуту, – послышался в трубке томный голос, – и скорее всего, вы уже заняты, но мне бы хотелось, если можно, обсудить с вами кое-

что важное».

Лиз недоверчиво покачала головой. Как это в стиле «шестерки» предполагать, будто весь день контрразведчика – одна сплошная длинная вечеринка с коктейлями! «Обсудить»? Она никогда ничего не обсуждала. Она страдала, причем одна.

Но... почему нет? На самый худой конец, у нее появится возможность изучить Маккея вблизи. Несмотря на предполагаемое сотрудничество, «пятерка» и «шестерка» никогда не будут доверять друг другу по-настоящему. Чем лучше она будет знать своего контрапартнера, тем меньше вероятности, что он ее обхитрит.

Она набрала оставленный им номер; Маккей ответил после первого гудка.

– Лиз! – воскликнул он, не дав ей и рта раскрыть. – Скажите, что придете!

– Приду.

– Фантастика! Я заеду за вами.

– Ничего, я могу и сама...

Его слова без труда пробились к ней:

– Подходите к Ламбетскому мосту, с вашего конца, в 12:45. До встречи!

– Хорошо.

Она нажала отбой. Предложение было любопытным, но бдительности терять нельзя. Развернувшись к монитору, она вернулась мыслями к Фараджу Мансуру. Тревога Фейна, ре-

шила она, происходит от его неуверенности в том, является ли покупатель фальшивого водительского удостоверения в Бремерхафене тем же человеком, что и контакт аль-Сафы в Пешаваре. Вероятно, сейчас кто-то в Пакистане проверяет авторемонтную мастерскую. Если они окажутся разными людьми и какой-то Фарадж Мансур ремонтирует джипы в мастерской у дороги на Кабул, мяч по всем правилам на стороне «пятерки».

Существовала вероятность, что действительно есть два разных Мансура Фараджа, и Мансур из Бремерхафена – экономический мигрант, который заплатил за проезд в Европу. Скорее всего, он пережил все тяготы пути в грузовом контейнере и сейчас ищет способы перебраться через Ла-Манш. Вероятно, у него есть родственник, который живет в каком-нибудь британском городе и приготовил Фараджу место водителя такси. Скорее всего, им должно заниматься Управление иммиграции, а не контрразведка. Лиз мысленно поставила зарубку.

К 12:30 ею овладело странное предвкушение. К счастью – или наоборот, – одета она была нарядно. Поскольку вся ее рабочая одежда была либо сырой после стиральной машины, либо томила в куче, предназначенной для химчистки, Лиз вынуждена была надеть платье от Ронит Зилха, которое купила на чью-то свадьбу. Стоило оно целое состояние даже на распродаже и выглядело совершенно не подходящим для дневной работы. В довершение всего к платью прилага-

лись туфли из рифленого шелка. Увидев ее, Уэзерби вполне предсказуемо вытаращил глаза, однако ничего не сказал.

Без двадцати час ей позвонили; Лиз подозревала, что звонок уже несколько раз переводили от одного сотрудника к другому. Полиция перехватила группу фотографов, которые называли себя «авиаспоттерами»; их взяли в районе, примыкающем к авиабазе США в Лейкенхите, и служба безопасности базы настояла на проверке перед тем, как их отпустят. Несколько минут ушло у Лиз на то, чтобы передать дело в отдел расследований, и все же она успела и вышла из здания вовремя в платье от Зилха, частично скрываемом пальто.

Она сразу поняла, что Ламбетский мост – не лучшее место встречи в декабре. После погожего утра небо потемнело. С реки задувал капризный восточный ветер, ерошивший ей волосы и осыпавший мусором ее шелковые туфли. Более того, на мосту остановки были запрещены.

Она стояла там пять минут со слезящимися на ветру глазами, когда к тротуару подкатил серебристый БМВ, и пассажирская дверца распахнулась. Под аккомпанемент клаксонов соседних автомобилей она быстро юркнула в салон, и Маккей, на котором были темные очки, вернулся в поток машин. В машине играла музыка; суперсовременный салон БМВ заполняли звуки табы, ситара и прочих инструментов.

– Нусрат Фатех Али Хан, – пояснил Маккей, когда они развернулись на Миллбанк. – В Пакистане он суперзвезда. Знаете его?

Лиз покачала головой, стараясь пальцами поправить нарушенную ветром прическу. Она улыбнулась про себя. Сидящий рядом мужчина слишком хорош для того, чтобы быть правдой – идеальный образчик выходца с Воксхолл-Кросс. Они пересекали мост, а музыка приближалась к волнующей кульминации. Когда автомобиль замедлил ход на Набережной Альберта, в салоне наконец стало тихо. Маккей снял темные очки.

– Ну, Лиз, как вы?

– Я... нормально, – ответила она. – Спасибо большое.

– Вот и хорошо.

Она покосилась на Маккея. На нем была голубая рубашка, с расстегнутым воротником, с рукавами, закатанными до половины и открывавшими загорелые, мускулистые предплечья. В часах, которые, судя по виду, весили полкило, не меньше, она признала «Брейтлинг Навитаймер». Кроме того, она заметила у него выцветшую татуировку: морского конька.

– Итак! – сказала Лиз. – Чему обязана честью...

Маккей пожал плечами:

– Мы с вами занимаем одинаковую должность. Я подумал, что неплохо было бы вместе пообедать, выпить пару бокалов вина и сравнить наши записи.

– К сожалению, я за обедом не пью, – возразила Лиз и сразу же пожалела о своем тоне. Голос ее прозвучал сварливо, она как будто оправдывалась, а у нее не было причин по-

лагать, что Маккей пытается быть не просто дружелюбным.

– Извините, что не предупредил заранее, – продолжал Маккей, глядя на нее.

– Все в порядке. Я не из тех, кто обедает, если не считать сэндвича и стопки рапортов на рабочем столе.

– Не поймите меня неправильно, – Маккей снова покопился на спутницу, – но вы выглядите как человек, который обедает.

– Приму ваши слова за комплимент. На самом деле я так одета, потому что ближе к вечеру у меня встреча.

– Понимаю... Ваш агент трудится в «Харви Николс»?

Лиз улыбнулась и отвернулась. Над ними нависала громада здания МП-6. Вскоре Маккей повернул налево, в лабиринт улиц Воксхолла с односторонним движением. Через две минуты они въехали с Саут-Ламбет-роуд в узкий тупик. Остановившись у входа в небольшую автомастерскую, Маккей запарковал БМВ, вышел и распахнул дверцу перед Лиз.

– Нельзя же оставлять машину здесь! – удивилась Лиз.

– У меня с ними договор, – беззаботно ответил Маккей, помахав в знак приветствия человеку в замасленном комбинезоне. – Все строго за наличные, так что я не могу списать это на представительские расходы, но они присматривают за машиной. Так вы есть хотите?

– Кажется, да, – призналась Лиз.

– Прекрасно!

Достав с заднего сиденья галстук и синий пиджак, Мак-

кей раскатал рукава рубашки и оделся. Неужели он снял пиджак и галстук только в машине, чтобы она не считала его душнилой?

Маккей запер машину, щелкнув кнопкой на пульте.

– Как думаете, ваши туфельки продержатся пару сотен ярдов? – спросил он.

– Если повезет.

Они снова повернули к реке и, пройдя по подземному переходу, вышли к новому роскошному зданию на южной стороне Воксхоллского моста. Поздоровавшись с охраной, Маккей провел Лиз через атриум в оживленный и симпатичный ресторан. На столиках, покрытых белыми льняными скатертями, сверкало столовое серебро и стекло; за большими зеркальными окнами виднелась темная панорама Темзы. Почти все столики оказались занятыми. Приглушенные разговоры ненадолго умолкли, когда они вошли. Оставив пальто на стойке, Лиз следом за Маккеем подошла к столику, откуда открывался вид на реку.

– Очень мило и неожиданно, – искренне сказала она. – Спасибо, что пригласили.

– Спасибо, что согласились.

– По-моему, тут довольно много ваших сотрудников...

– Есть несколько. Пока мы шли к столику, вы улучшили мою репутацию на несколько сотен процентов. Скоро вы поймете, что за нами ненавязчиво наблюдают.

– Я заметила, – улыбнулась Лиз. – Вам стоит послать ва-

ших коллег на другой берег, на наш курс наружного наблюдения.

Они изучили меню. Доверительно подавшись вперед, Маккей сказал Лиз: он может предсказать, что она закажет. Достав ручку из кармана, он протянул ей и велел отметить галочкой, что она выбрала.

Стараясь, чтобы он не подсмотрел, и держа меню под столом, Лиз пометила салат с копченой утиной грудкой. Он находился в разделе «Закуски», но она приписала рядом: «Как основное блюдо».

– Ладно, – продолжал Маккей. – Теперь сложите меню и уберите в карман.

Она так и сделала, совершенно уверенная: ее спутник не видел, что она написала.

Когда подошел официант, Маккей заказал себе стейк из оленины и бокал итальянского «Бароло».

– А для моей коллеги, – с едва заметной улыбкой продолжал он, кивком указывая на Лиз, – салат из утиной грудки. В качестве основного блюда.

– Очень умно. – Лиз нахмурилась. – Как у вас получилось?

– Секрет. Выпейте вина!

Она бы с удовольствием выпила, но ей казалось, что лучше придерживаться сказанных ранее слов: она не пьет за обедом.

– Нет, спасибо.

– Всего один бокальчик. Составьте мне компанию!

– Ладно, но только один. Скажите, как вы...

– У вас нет доступа к закрытой информации.

Лиз огляделась по сторонам. Никто не мог видеть, что она написала. Да и зеркальных поверхностей рядом не наблюдалось.

– Очень смешно! И все же скажите.

– Повторяю...

– Скажите, и все. – Лиз невольно поддалась раздражению.

– Хорошо, скажу. Мы разработали контактные линзы, которые позволяют нам видеть обратную сторону документов. Сейчас на мне как раз такие.

Лиз прищурилась. Несмотря на решимость оставаться объективной и отнестись к обеду как к своего рода разведке, она явно начинала злиться.

– И знаете, что еще, – негромко продолжал Маккей, – с ними и через ткань видно.

Прежде чем Лиз успела ответить, на белую скатерть упала тень. Подняв голову, она увидела, что над ней навис Джефффри Фейн.

– Элизабет! Какая радость видеть вас на нашем берегу. Надеюсь, Бруно хорошо за вами ухаживает?

– Еще как, – ответила она и замолчала.

В попытках Фейна проявлять дружелюбие было что-то жутковатое.

Он слегка поклонился.

– Пожалуйста, передавайте привет Чарльзу Уэзерби. Как вам известно... или должно быть известно... мы относимся к вашему ведомству с высочайшим почтением.

– Спасибо, – ответила Лиз. – Передам.

Тут им принесли еду. Когда Фейн сделал шаг в сторону, Лиз покосилась на Маккея и вовремя заметила, как двое мужчин переглянулись, словно сообщники. В чем дело? Уж конечно, не в том, что один из них развлекает за обедом представительницу женского пола. Все наверняка было спланировано заранее. Фейн как будто не слишком удивился, увидев ее.

– Расскажите, – попросила она, – как вы себя чувствуете по возвращении.

Маккей провел ладонью по выгоревшим волосам.

– Хорошо, – ответил он. – В Исламабаде было обворожительно, но ужасно. Я там не был аккредитованным дипломатом; хотя, работая с агентами, я мог сделать больше, жилось мне гораздо напряженнее.

– Вы жили не на базе?

– Нет, в пригороде. Официально я числился на службе в одном из банков, поэтому каждый день приходил на работу в костюме, а вечером вращался в тамошних кругах. После этого я обычно не спал всю ночь, опрашивая агентов или расшифровывая донесения и отправляя их в Лондон.

Хотя заманчиво находиться на самом острие, это и довольно утомительно.

– Почему вы вообще занялись такими делами?

Улыбка тронула его четко очерченные губы.

– Наверное, потому же, почему и вы. Шанс практиковать обман, который всегда выходил естественно.

– В самом деле? То есть вы всегда обманываете естественно?

– Мне говорили, что я очень рано начал лгать. И никогда не сдавал школьные экзамены без шпаргалки. Я писал ее накануне ночью рейсфедером по тонкой бумаге, сворачивал в трубочку и прятал в шариковую ручку.

– Значит, вот как вы попали в «шестерку»?

– К сожалению, нет. По-моему, им хватило одного взгляда на меня; они решили, что я достаточно непорядочен, и взяли меня на работу.

– Как вы объяснили свое желание поступить туда?

– Патриотизм. В то время это казалось правильным.

– А это настоящая причина?

– Знаете, как говорят: патриотизм – последнее прибежище негодяя и так далее. На самом деле, разумеется, все дело было в женщинах. Все эти блестящие секретарши из МИД. У меня всегда был комплекс мисс Манипенни, помните, секретарши М. из фильмов о Джеймсе Бонде.

– Я не вижу здесь так уж много мисс Манипенни.

Серые глаза Маккея весело обежали зал.

– Похоже, я все неправильно понял. Что ж, как говорится, Бог дал, Бог и взял. А вы?

– У меня никогда не было комплекса тайного агента. Я оказалась в первом наборе, который отозвался на рекламное объявление: «В ожидании Годо?»

– Как болтливый мистер Шайлер.

– Вот именно.

– Как по-вашему, вы дойдете до конца? Останетесь до пятидесяти пяти, шестидесяти или какой там у вас пенсионный возраст? Или уйдете и поступите в «Линкс», «Кролл» или какое-нибудь частное детективное агентство? А может, вообще уйдете со службы и заведете детей с торговым банкиром?

– Других вариантов нет? Довольно мрачная перспектива!

К ним подошел официант; прежде чем Лиз сумела возразить, Маккей указал на их бокалы, предлагая наполнить их. Лиз воспользовалась короткой паузой, чтобы оценить ситуацию. Бруно Маккей возмутительно флиртует с ней, однако нельзя отрицать, что он интересный собеседник. Если бы он ей не позвонил, день можно было бы назвать скучным.

– Не думаю, что мне легко будет уйти со службы, – осторожно заговорила Лиз. – Ведь она составляет весь мой мир вот уже десять лет.

Так оно и было. Она ответила на рекламное объявление, учась на последнем курсе университета, и следующей весной ее приняли в MI-5. Первые три года, которые прерывались тренировочными курсами, она провела, занимаясь административной работой в Северной Ирландии в качестве

стажера. Работа – просеивание разведанных, запросы, подготовка оценок и прогнозов – иногда бывала монотонной и нудной, а иногда напряженной. Потом ее перевели в отдел контрразведки, а через три года – или уже четыре прошло? – неожиданно откомандировали в Ливерпуль, в полицию Мерсисайда. Оттуда она попала в отдел организованной преступности в «Темз-хаус». Ее заваливали делами, а начальник отдела, суровый бывший полицейский по фамилии Дональд-сон, не скрывал, что терпеть не может работать с женщинами. После того как в одном деле добились прорыва – заслуга в котором по праву принадлежала Лиз, – все стало гораздо приятнее. Ее перевели в контрразведку, и оказалось, что Уэзерби уже давно следит за ее успехами.

– Вполне пойму, если вы решили, что с вас хватит, – сказал он ей с меланхоличной улыбкой. – Если вы смотрели на внешний мир, видели, какие награды получали люди с вашими способностями, только при этом обладали большей свободой и возможностью общаться... – Но к тому времени Лиз уже точно знала, что не хочет заниматься ничем другим.

– Я здесь надолго, – сказала она Маккею. – Я не могу вернуться назад.

Бруно положил ладонь на ее руку.

– Знаете, о чем я думаю, Лиз? По-моему, мы все – ссыльные из нашего прошлого.

Лиз посмотрела на его руку, на тяжелые часы у него на запястье. Вскоре он выпустил ее. Жест, как и все, что он де-

лал, вышел спонтанным и не оставил по себе следов неловкости или сомнения. Значат ли что-то его слова на самом деле? Они звучат избито и привычно. Скольким женщинам он говорил то же самое и тем же самым тоном?

– Ну а вы? – спросила она. – Откуда сослали вас?

– Не могу признаться в ужасном прошлом, – вздохнул он. – Мои родители развелись, когда я был еще мальчишкой, и я рос, перемещаясь между домом отца в Тест-Вэлли и домом матери на юге Франции.

– Ваши родители еще живы?

– Боюсь, что так. Пребывают в добром здравии.

– А вы поступили на службу сразу после университета?

– Нет. Я изучал арабский в Кембридже и сначала попал в Сити, в один инвестиционный банк как аналитик и специалист по Ближнему Востоку. Одновременно я отлынивал от работы, ошиваясь в ПАП.

– Где?!

– В Почетном артиллерийском полку. Носился туда-сюда, разряжая взрывчатые вещества в тренировочном лагере на Солсберийской равнине. Забавно было. Но банковское дело через какое-то время утратило для меня свой блеск, и я сдал экзамен в Министерство иностранных дел. Десерт хотите?

– Нет, я не хочу десерт, спасибо, и второй бокал я на самом деле тоже не хотела. Я уже думаю о том, как буду возвращаться на тот берег.

– Уверен, наши начальники не против... легких внеслу-

жебных связей, – возразил Маккей. – Выпейте хотя бы кофе.

Лиз согласилась, и он подозвал официанта.

– Итак, скажите, – продолжала она после того, как им принесли кофе. – Как вы все-таки увидели, что я написала на меню?

Маккей рассмеялся:

– Я не видел. Но все женщины, которых я сюда приглашал, заказывали одно и то же.

– Неужели мы настолько предсказуемы? – Лиз посмотрела на него в упор.

– На самом деле прежде я был здесь только один раз, да и то в компании полудюжины других людей. Три из них были женщины, и все они заказали то же, что и вы. Вот и все!

Она смерила его ровным взглядом. Глубоко вздохнула.

– Повторите-ка, сколько вам было лет, когда вы начали лгать?

– Вас невозможно победить, верно?

– Да, скорее всего. – Лиз одним глотком выпила содержимое крошечной чашечки. – Конечно, с кем вы обедаете, совершенно не мое дело.

– Возможно! – Маккей наградил ее многозначительной полуулыбкой.

– Мне пора, – сказала она.

– Выпейте бренди. Или кальвадоса, или еще чего-нибудь. На улице холодно.

– Нет, спасибо. Я пойду.

Он поднял руки, показывая, что сдается, и подозвал официанта.

Снаружи небо было сплошь стального цвета. Ветер ерошил волосы и задирал полы пальто.

– Славно посидели, – заметил Маккей, беря ее руки в свои.

– Да, – ответила Лиз, осторожно высвобождаясь. – До понедельника!

Не переставая улыбаться, он кивнул. К облегчению Лиз, рядом кто-то как раз вышел из такси.

Глава 10

Даже в лучшие времена Дерсторп-Стрэнд навевал тоску, а в декабре, подумала Диана Мандэй, это просто конец света. Несмотря на лыжную куртку на гусином пуху, выйдя из полноприводного «джипа-череки», она задрожала от холода.

Сама Диана, красивая женщина пятидесяти с небольшим лет, с мелированными светлыми прядями и барбадосским загаром, в Дерсторпе не жила. Они с мужем Ральфом жили в георгианском особняке на восточной окраине Марш-Крик. Рядом с Марш-Крик имелись хорошие поля для гольфа, небольшой яхт-клуб и паб «Трафальгар». Если идти дальше по берегу, можно было попасть в Бранкастер, где имелся большой, «настоящий» яхт-клуб, а еще в трех милях от Бранкастера находился Барнем-Маркет, который во многом можно было назвать «Приморским Челси» – и цены на недвижимость там почти сравнялись с Челси лондонским.

В Дерсторпе ничего подобного не наблюдалось. Там имелся тематический паб, где исполняли музыку кантри. Рядом располагались парковка для большегрузов, мини-маркет «Лондис» и микрорайон муниципальной застройки, продуваемый всеми ветрами. Летом на набережной обосновывался фургон, с которого без лицензии торговали бургерами.

За Дерсторпом на побережье тянулась уединенная полоса длиной около мили, которую местные называли Пляжем.

На западе полоса сужалась и сходилась на нет у залива Уош. На Пляже стояли бунгало, построенные в 1950-е годы. В какой-то момент их недавней истории, предположительно в попытке противостоять безжалостному однообразию, их выкрасили в живые розовые, желтые и оранжевые тона. Однако соленый морской воздух давно пропитал краску; сайдинг облупился, и домики снова стали одинаково тусклыми, выцветшими. Ни на одном бунгало не было ни телеантенны, ни телефонного провода.

Диана Мандэй купила бунгало на Пляже год назад, в качестве инвестиции. Домики ей не нравились – более того, внушали безотчетный ужас, – но изучение доходов предыдущего владельца убедило ее, что в обмен на минимальные расходы и усилия они получают неплохую прибыль. Обычно поздней осенью и зимой бунгало пустовали, но даже тогда время от времени приезжали случайные наблюдатели за птицами или писатели. Каким бы странным это ни казалось Диане, на удивление многим хотелось насладиться одиночеством и тишиной, какие предлагал Пляж. Казалось, их вполне устраивают несмолкаемый шелест прибоя, ветер в солончаковых болотах, незаметное слияние моря и неба...

Диана надеялась, что такие условия удовлетворят молодую женщину, которая стояла спиной к самому западному бунгало. Наверное, аспирантка, пишет диссертацию. Одета в парк, джинсы и прогулочные сапожки, она держала в руках справочник Совета по туризму, в котором Диана разме-

стила свою рекламу, и выжидательно смотрела на горизонт. Ветер ерошил ей волосы, а волны выносили на берег перед ней серую и черную гальку.

Как в «Женщине французского лейтенанта», подумала Диана, которая давно питала слабость к актеру Джереми Айронсу, только моложе и не такая хорошенькая. Интересно, сколько ей лет? Года двадцать два – двадцать три? Она могла бы выглядеть вполне прилично, если бы постаралась. Над волосами нужно поработать – каштановое каре требовало внимания хорошего колориста. И все же базовая структура неплохая. Конечно, девицам такого возраста лучше ничего не говорить; Диана пробовала давать советы Миранде, а та ей за ее старания чуть голову не откусила.

– Какое славное место, верно? – Диана покровительственно улыбнулась. – Здесь так мирно!

Девушка рассеянно нахмурилась.

– Сколько за неделю, включая депозит?

Диана назвала самую высокую цену. Девушка не выглядела особенно богатой – парка, заляпанный грязью «воксхолл-астра». В то же время не похоже было, что она охотно продолжит поиски. Почти наверняка тратит родительские деньги.

– Можно заплатить наличными?

– Конечно, можно. – Диана улыбнулась. – Значит, договорились. Как вам известно, я Диана Мандэй, а вы...

– Люси. Люси Уормби.

Они обменялись рукопожатиями, и Диана заметила, какая удивительно крепкая хватка у девицы. Покончив с делом, она села в машину и поехала на восток, в сторону Марш-Крик.

Девушка, назвавшаяся Люси Уормби, задумчиво смотрела ей вслед. Когда «чероки» в конце концов скрылся из виду, она достала из-под парки легкий бинокль «Никон» и осмотрела прибрежную дорогу. В ясный день любую машину, которая подъезжает с востока или запада, будет видно почти за милю.

Распахнув пассажирскую дверцу «астры», она подхватила дорожную сумку и рюкзак и отнесла их в бунгало, в гостиную, выкрашенную белой водоэмульсионной краской. На стол перед окном, выходящим на море, положила бумажник на липучке, бинокль, кварцевые часы, работавшие под водой, складной нож фирмы «Пфлюгер», небольшой компас из набора НАТО для выживания и мобильный телефон «Нокиа». Она включила телефон, который зарядила накануне в номере отеля «Травелодж» на шоссе А-11. Проверила время: почти 15:00 по Гринвичу. Усевшись по-турецки на низкий диван у стены, полузакрыв глаза в сумерках, начала неизменный процесс очищения разума от всего, что не имело отношения к ее задаче.

Глава 11

Звонок перевели Лиз вскоре после 3:30. Он прошел через центральную диспетчерскую, потому что звонивший набрал опубликованный в справочниках номер MI-5 и попросил позвать Лиз, назвавшись псевдонимом, которым пользовался несколько лет назад, когда Лиз еще работала в отделе по борьбе с организованной преступностью. Звонившего, который находился в телефонной будке в Эссексе, засекли, пока Лиз спрашивали, хочет ли она с ним поговорить. Он назвался Судаком.

Как только Лиз услышала кодовое имя, она попросила, чтобы его соединили с ней, потребовала его номер и перезвонила ему. Давно уже она не получала вестей от Фрэнки Ферриса! Правда, она была совсем не уверена, что хочет снова слышать его голос. Если он разыскал ее после трех лет молчания и, вопреки всем стандартным рекомендациям для агентов, позвонил через диспетчерскую, возможно, он может сообщить ей что-то полезное.

С Феррисом она познакомилась, когда, служа в отделе по борьбе с оргпреступностью, принимала участие в операции против босса эссекского синдиката по имени Мелвин Истмен. В числе прочих преступлений его подозревали в пересылке больших партий запрещенных веществ между Амстердамом и Хариджем. Наружное наблюдение опознало в

Феррисе одного из водителей Истмена; после мягкого давления со стороны Специальной службы уголовного розыска Эссекса он согласился поставлять сведения о деятельности синдиката. Позже Специальная служба передала его MI-5.

С самого начала службы Лиз инстинктивно понимала, как нужно вести агентов. На одном конце шкалы находились такие агенты, как Марципан, – они доносили на своих коллег из патриотизма или нравственных убеждений. На другом конце – те, кто работал строго из корыстных соображений, ради денег. Судак находился где-то посередине. С ним отношения были весьма эмоциональными. Ему нужно было одобрение Лиз. Он хотел, чтобы она ценила его, уделяла ему безраздельное внимание, сидела и выслушивала, как он жалуется на несправедливость мира по отношению к нему.

Поняв это, Лиз пожертвовала необходимым временем, и постепенно сведения начали поступать к ней – словно цветы, которые агент складывал к ее ногам. Одни данные были сомнительными; подобно многим агентам, которым хотелось получить одобрение кураторов, Феррис склонен был добиваться расположения Лиз, то и дело «вспоминая» какие-нибудь незначительные мелочи. В то же время ему удалось записать и передать стационарный и мобильные номера нескольких подручных Истмена и назвать регистрационные номера машин, которые посещали промзону Ромфорд, где у Истмена тогда была штаб-квартира.

Такие сведения были полезными и значительно обогати-

ли досье MI-5 на Истмена. Однако Феррис не имел доступа в ближний круг Истмена, и у него почти или совсем не было доступа к по-настоящему ценным сведениям. Целыми днями он работал как таксист, хотя и любил приукрасить свою роль. Он возил женщин-крупье из казино Истмена на обед и с обеда; подвозил подручных Истмена, доставлял контрабандный табак в пабы и распределял на рынках коробки с незаконно ввезенными компакт- и DVD-дисками.

В конце концов оказалось невозможно построить удовлетворительное дело против очень осторожного Истмена; в результате он стал только сильнее. Скорее всего, решила Лиз, он перешел к торговле чем-то гораздо хуже, чем пиратские диски. Он, безусловно, в ответе за регулярную торговлю запрещенными веществами в его районе; его дилеры работают во всех ночных клубах – весьма прибыльное дельце! В отделе не сомневались: некоторые его законные предприятия – просто «крыши» для разного рода афер.

Специальная служба уголовного розыска Эссекса по-прежнему следила за Истменом; когда Лиз перешла в отдел контрразведки, которым руководил Уэзерби, Судака передали одному из сотрудников Специальной службы, упрямому ольстерцу по имени Боб Моррисон. Феррис должен был звонить Моррисону, а не Лиз.

– Рассказывай, Фрэнки, – велела Лиз.

– Крупная партия в пятницу, на мысу. Двадцать плюс один сверху, «особый случай» из Германии. – Феррис гово-

рил уверенно, хотя явно нервничал.

– Фрэнки, теперь ты докладываешь Бобу Моррисону. Я не знаю, что значат твои слова, и не имею права ничего принимать.

– В пятницу на мысу, – быстро повторил Фрэнки. – Двадцать плюс один «особый». Из Германии. Поняла?

– Я записала. Источник?

– Истмен. Ему позвонили пару дней назад, я был рядом и слышал. Уж как он ругался – просто из штанов выпрыгивал от злости.

– Ты еще работаешь на него?

– Так, по мелочи.

– Что-нибудь еще?

– Нет.

– Ты в телефонной будке?

– Да.

– Позвони еще куда-нибудь, прежде чем уйдешь. Не надо, чтобы этот номер был последним из набранных.

Они окончили разговор, и несколько минут Лиз смотрела на обрывки фраз на листочке. Потом позвонила в Специальную службу уголовного розыска Эссекса и попросила позвать Боба Моррисона. Через несколько минут он перезвонил ей из телефона-автомата на автостраде.

– Феррис объяснил, почему позвонил тебе? – спросил Моррисон; голос его двоился.

– Нет, не объяснил, – ответила Лиз. – Но упорно не хотел

говорить с тобой.

Наступило недолгое молчание. Связь была плохая; сквозь треск помех прорывался рев клаксонов.

– Как источник информации, Фрэнки Феррис никуда не годится, – сообщил Моррисон. – Девяносто процентов тех денег, что платит ему Истмен, сразу попадают на игорный стол, и я не удивлюсь, если он сам употребляет. Возможно, он все придумал.

– Возможно, – осторожно ответила Лиз.

Снова затрещали помехи.

– ...Добыть что-нибудь полезное, пока Истмен ему платит.

– А если уже не платит? – спросила Лиз.

– Если нет, я недорого дам за...

– Думаешь, Истмен от него избавится?

– По-моему, он думает об этом. Фрэнки знает достаточно, чтобы его похоронить. Но вряд ли до такого дойдет. Мелвин Истмен – бизнесмен. Проще записать Фрэнки в статью «Накладные расходы», подбросить немного наличных...

Снова загудели клаксоны.

– Ты... употребила его с пользой. По сути, они неразрывно связаны.

– Ладно. Если хочешь, я перешлю тебе то, что сказал Фрэнки.

– Да, почему бы нет?

Они закончили разговор. Лиз свое дело сделала – пере-

дала все Моррисону и выгородила себя; ну а нужно ли действовать и как действовать на основе полученных сведений – дело совершенно другое.

Она еще раз перечитала обрывки фраз. Партия чего? Запрещенки? Оружия? Людей? Партия из Германии? Откуда она вообще? Если поставки идут морем и слово «мыс» обозначает именно мыс, может быть, стоит внимательнее взглянуть на северные порты.

Исключительно для подстраховки – Моррисон, возможно, вернется к себе в кабинет лишь через несколько часов – Лиз решила переговорить с контактом в Таможенном и акцизном управлении. Где ближайшая точка в Великобритании для судов, которые выходят из немецких портов? Скорее всего, на востоке Англии, а там как раз территория Истмена. Ни одно маломерное судно, которое везет сомнительный груз с северо-востока, не пройдет «бутылочное горлышко» Ла-Манша. Им придется идти сотню с лишним миль вдоль неохраямой береговой линии между Филикстоу и заливом Уош.

Глава 12

«Сюзанна Ханке» была двадцатидвухметровым кормовым траулером, предназначенным для ловли креветок на мелководье. Проведя в море более тридцати часов, Фарадж Мансур возненавидел ржавое суденышко до глубины души. Он считал себя гордым человеком, но не выглядел таким, когда сидел, скорчившись, в провонявшем рвотой трюме вместе с двадцатью другими пассажирами. Большинство из них, как и Фарадж, прибыли из Афганистана, но были также пакистанцы, иранцы, несколько иракских курдов и один измученный сомалиец.

Все они были одеты одинаково – в замызганные комбинезоны механиков. На складе в бременерхафенских доках им велели снять провонявшую потом одежду, в которой они прибыли из разных стран, разрешили побриться, принять душ и выдали подержанные джинсы, свитеры и ветровки из благотворительных магазинов. Кроме того, им раздали комбинезоны. К тому времени, как партия из двадцати одного человека собралась вокруг костра, в котором горели их старые вещи, со стороны они казались бригадой гастарбайтеров. Прежде чем они сели на судно, им раздали булочки, кофе и порции бараньего рагу в контейнерах из фольги. За полтора года, пока «Караван» действовал, там выяснили, какая еда приемлема для большинства клиентов.

«Караван» устроили для обеспечения того, что организаторы называли «скрытой перевалкой первого класса» экономических мигрантов из Азии в Северную Европу и Соединенное Королевство. Проезд не отличался роскошью, но все же обеспечивал минимальные человеческие условия. За двадцать тысяч долларов США клиентам обещали безопасный проезд, соответствующие документы ЕС (включая паспорта) и сутки пребывания в хостеле по прибытии.

Подобные условия резко отличались от прежних предприятий по нелегальному провозу людей. В прошлом в обмен на крупные суммы наличными в пункте отправки грязных, измученных и полуголодных мигрантов доставляли на моторных лодках к южному побережью Великобритании и бросали без валюты и документов. Дальше им предстояло заботиться о себе самим. Многие умирали по пути, обычно от духоты в запечатанных контейнерах и кузовах грузовиков.

Организаторы же «Каравана» понимали, что в наш век мгновенной коммуникации их долгосрочным интересам лучше всего соответствуют деловитость и оперативность. Отсюда комбинезоны, чья практичность оправдалась, едва «Сюзанна Ханке» вышла из порта Бремерхафен. Водоизмещение судна было мелким, метра полтора, и хотя судно неплохо держалось на воде в Северном море, его непрестанно швыряло и бросало. Стоило «Сюзанне Ханке» выйти в открытое море, как погода испортилась; задувал непрекращающийся декабрьский ветер от семи до десяти баллов. В

довершение всего траулерный двигатель «Катерпиллар», выдававший 375 лошадиных сил, быстро заполнил переделанный трюм для рыбы тошнотворной дизельной вонью.

Ничто из происходящего не беспокоило бородатого капитана-немца «Сюзанны Ханке» и его экипаж из двух человек; они уверенно держали курс на запад в перегретой рулевой рубке. Зато для пассажиров подобные условия оказались просто катастрофическими. Вначале они бодро обменивались сигаретами и радостно мурлыкали песни из индийских фильмов. Однако вскоре всем стало плохо. Они старались усидеть на своих скамьях, но судно швыряло туда-сюда, их било спинами о фальшборт и бросало о ледяное днище. Вскоре подержанные комбинезоны пропитались желчью и рвотой – а в паре случаев и кровью из разбитых носов. Чуть выше, на крюках для сетей, раскачивались их чемоданы и рюкзаки.

Шло время; погода все ухудшалась. Море, хотя и невидимое для пассажиров, корчившихся под передней палубой, ходило ходуном. Они прижимались друг к другу, стараясь согреться под порывами ветра, но их раз за разом швыряло о стальные переборки трюма. Все были в синяках, с оледеневшими ногами, с саднившим от рвоты горлом. Вскоре пассажиры забыли о чувстве собственного достоинства.

Фарадж Мансур сосредоточился на выживании. С холодом он еще как-то справлялся, ведь вырос в горах. Почти все пассажиры, за исключением сомалийца, который жалоб-

но всхлипывал слева от него, вполне справлялись с холодом. Но тошнота стала еще одним испытанием, и он боялся, что она ослабит его до крайности там, где пришлось бы защищаться.

Мигранты не были готовы к суровому четырехчасовому переходу. Достаточно трудно было пересекать Иран в тесном и душном запечатанном контейнере, но, начиная с Турции – через Македонию, Боснию, Сербию и Венгрию, – они путешествовали сравнительно безболезненно. Были опасные моменты, но водители «Каравана» отлично знали, где самые «дырявые» границы и каких пограничников легче всего подкупить.

Хотя и не всегда, в большинстве случаев границы пересекали по ночам. В Эстергеме, на северо-западе Венгрии, мигрантов высадили у заброшенной площадки для игр. Они нашли старый футбольный мяч и немного поиграли в футбол и покурили перед тем, как залезать назад, в грузовик. Перебравшись на другой берег Моравы, они очутились в Словацкой Республике. Последний переход совершили в чешском Либерце, в пятидесяти милях к северу от Праги; еще через день мигранты уже разминали ноги в Бремерхафене. Там их устроили на ночлег на складе, среди вышедших из употребления станков и верстаков. Пришел фотограф; еще через двадцать часов все получили паспорта. Фараджу, кроме того, выдали еще и британское водительское удостоверение. Вместе с другими его документами оно теперь лежало

во внутреннем кармане ветровки, застегнутом на молнию. Ветровку он надел под грязный комбинезон.

Сгруппировавшись на сиденье, Фарадж благополучно переносил шторм на «Сюзанне Ханке». То ли ему мерещилось, то ли жуткие волны в самом деле наконец утихали? Он нажал кнопку подсветки на часах. Третий час ночи по британскому времени. При слабом мерцании он видел бледные, испуганные лица своих товарищей, скорчившихся, как призраки. Чтобы сплотить их, он предложил помолиться.

В 2:30 ночи Рэй Гантер наконец увидел судно. Свет, который шел от «Сюзанны Ханке», был слишком приглушенным для невооруженного глаза, но через усилитель яркости он казался ярко-зеленым мерцанием на горизонте.

– Есть, поймал! – буркнул он, стряхивая пепел на гальку. Руки у него замерзли, но от волнения, как всегда, забывал о холоде.

– Теперь наш выход? – спросил Киран Митчелл.

– Да. Вперед!

Они дружно столкнули лодки в воду, их обдало брызгами; ледяная вода обожгла лодыжки. Будучи более опытным моряком, Гантер сел в первую лодку. Подкрутив лайтстик, чтобы светился флуоресцентным синим светом, он поставил его в uključину на корме; света хватало, чтобы две лодки не разошлись в море.

Чуть отойдя от берега, они начали дружно выгребать из прибрежной зыби, поправляя курс на сильный восточный

ветер. На обоих были прочные непромокаемые плащи и спасательные жилеты. Отплыв на сто ярдов, они убрали весла и завели подвесные моторы Evinrude. Моторы быстро ожили; их тарахтение далеко разносилось ветром. Митчелл, шедший следом за Гантером, не сводил взгляда с лайтстика-«светлячка» и следом за своим напарником вышел в открытое море.

Через десять минут они приблизились к «Сюзанне Ханке». Сжимая свои скудные пожитки, сбросившие грязные комбинезоны (позже их постирают, готовя к следующей партии нелегалов), пассажиры по одному выходили из трюма; им помогали спуститься по трапу в лодки. Почти в полной темноте, да еще в шторм, пересадка проходила медленно. И все же полчаса спустя все мигранты уже сидели в лодках, а их багаж стоял у них в ногах. То есть послушно уселись все, кроме одного. Один из них вежливо, но решительно настоял на том, что понесет свой тяжелый рюкзак сам. «Если ты свалишься за борт, приятель, – подумал Митчелл, – шансы у тебя невелики».

Киран Митчелл знал только одно слово на урду – «хамош», что означало «молчание». Однако сейчас его знания негодились. Прибывшие, как обычно, выглядели испуганными; держались все почтительно. Митчелл, считавший себя патриотом, терпеть не мог нелегалов в тюрбанах; он радовался бы гораздо больше, если бы отправил всю шайку к ним домой. Однако как у бизнесмена – причем работавшего

на полную ставку на Мелвина Истмена – у него были связаны руки.

Обратного пути к берегу Митчелл боялся больше всего. Старые деревянные рыболовецкие лодки с трудом выдерживали вес двенадцати человек и опасно низко сидели в воде. Благодаря превосходным навыкам Гантера пассажиры его лодки оставались более или менее сухими; не так повезло тем, кто сел к Митчеллу. Волны постоянно перехлестывали через борта, и они промокли насквозь. В конце концов дрожащие и грязные мигранты помогли ему затащить лодку на берег и – так делала каждая партия – упали на колени на мокрую гальку и принесли благодарность за благополучное прибытие. То есть все, кроме одного, того самого человека с черным рюкзаком, который просто стоял в стороне и ози-рался.

Как только лодки поставили на место, Гантер и Митчелл сняли спасательные жилеты и плащи. Гантер отпер деревянный сарайчик на краю пляжа и повесил туда оборудование, Митчелл выстроил людей и повел их цепочкой вдаль от моря.

Галька сменилась болотистой тропинкой; она привела их к открытым железным воротам. После того как в ворота зашел последний мигрант, Митчелл запер их. Они начали подниматься на холм; очертания деревьев проступали на фоне бледного ложного рассвета. Озираясь, они видели подстриженные живые изгороди и ровную лужайку. После поворота

налево перед ними показалась высокая стена. В ней имелась калитка. Гантер отпер ее ключом, а Митчелл снова запер калитку за последним человеком. Они очутились на узкой проселочной дороге, ограниченной с одной стороны стеной, а с другой – деревьями. Примерно через пятьдесят ярдов в гору на фоне деревьев виднелись смутные очертания тягача с прицепом.

Отодвинув засов и откинув платформу прицепа, Митчелл запустил мигрантов в кузов. После того как все перешли в переднюю часть, Митчелл потянул за металлический барьер, заваленный мешковиной и старыми канатами; он перекрывал вид на кузов грузовика. Мигрантам пришлось тесниться за барьером, в кузове примерно три на три фута. Правда, на потолке имелось вентиляционное отверстие. Хотя прицеп не был полностью безопасным, стороннему наблюдателю – полисмену с фонариком, например, если бы он светил сзади – казалось бы, что там никого нет.

Митчелл сел за руль, а Гантер – на пассажирское сиденье. Вначале они добрых пять минут ползли по неровной проселочной дороге не включая света. Однако, как только впереди показалась главная дорога, Митчелл включил фары и прибавил скорости.

– Шторм был баллов девять, – заметил он. – По-моему, их выворачивало всю дорогу.

– Да, выглядят они измотанными, – согласился Гантер и полез в карман за зажигалкой и сигаретами.

Обычно на этом этапе игры он шел домой, спать, но сегодня сопровождал Митчелла до Кингс-Линн – там в муниципальной квартире жила его сестра Кайли. Он, конечно, предпочел бы ехать туда на своей машине, но эта курица, жена Мандэя, врезалась ему в зад на своем полноприводном «джипе». «Тойоту» пришлось буксировать в Бранкастер, менять заднюю дверь, фонари и выхлопную трубу. Старая труба лишь немного погнулась, не слетела, но в гараже охотно поставили новую – страховая компания за все заплатит. Чем меньше говорить, тем скорее починят.

Через двадцать минут тягач завернул на стоянку большегрузов у придорожного кафе на шоссе А-148, у въезда в Фейкенем. Именно там, согласно инструкции, следовало выпустить «особый груз».

Тягач с шипением остановился, Гантер достал из бардачка тяжелый фонарь «Маглайт» и спрыгнул на землю. Откинув платформу, он забрался внутрь, включил фонарь и начал выпускать пассажиров.

Первым показался человек с рюкзаком – худощавый брюнет среднего роста с напускной полуулыбкой. Рюкзак выглядел дорогим, но никакого ярлыка на нем не было; он заметно оттягивал узкие плечи. На таком словно написано, что он – жертва, подумал Гантер. Нет ничего удивительного в том, что этих паков вечно отталкивают. И все же он где-то добыл двадцать кусков на дорогу сюда. Наверное, его отец всю жизнь копил деньги; возможно, свой вклад внесли и

многочисленные тетушки. И все ради того, чтобы бедняга всю жизнь грузил карри или продавал газеты в каком-нибудь грязном городишке вроде Брэдфорда. Невероятно! Снова заперев фальшивую перегородку, Гантер посмотрел на молодого азиата – на его ношенные джинсы, дешевую ветровку и узкое, усталое лицо. Не в первый раз в жизни он искренне поблагодарил Бога за то, что родился белым под флагом святого Георгия.

Он смотрел, как «особый груз» спускается на землю, оглядывает непривлекательный пейзаж и поправляет на плечах тяжелый рюкзак. Что у него там? Что он так старательно охраняет? Наверняка что-то ценное. Может быть, даже золото – он не первый нелегал, который ввозит слиток драгоценного металла.

Спрыгнув на землю вслед за Мансуром, Гантер запер грузовик. Из открытого окна кабины тянулась струйка дыма от сигареты Митчелла.

Мансур протянул руку.

– Спасибо! – сказал он.

– На здоровье, – отрывисто ответил Гантер, накрывая крошечную ладонь Мансура своей мозолистой рукой.

Афганец кивнул, по-прежнему делано улыбаясь. С рюкзаком за спиной он направился к белому туалетному блоку – идти до него было шагов пятьдесят.

Гантер быстро принял решение. Когда дверь туалета открылась и закрылась, он пошел следом за Мансуром. Выключо-

чив фонарь, перевернул его и ухватился за рифленую рукоятку. Зайдя в туалетный блок, он увидел, что одна кабинка занята, но больше здесь никого нет. Чуть присев, он заметил рюкзак Мансура в щели под дверью. Он слегка покачивался, как будто его содержимое перебирали. «Я был прав, – подумал Гантер, у этого мерзавца там что-то есть». Покачав головой и осудив вероломство азиатов в целом, он подошел к писсуару и стал ждать.

Через несколько минут, когда Мансур вышел из кабинки, повесив рюкзак на одно плечо, Гантер бросился на него, замахнувшись большим «маглайтом», как полицейской дубинкой. Импровизированное оружие попало Мансуру в плечо, он пошатнулся, и рюкзак упал на пол.

Задышавшись от боли, злясь на себя за то, что позволил усталости превозмочь осторожность, Мансур бросился к рюкзаку, пытаясь схватить его здоровой рукой, но рыбак успел первым и так хватил Мансура по голове «маглайтом», что афганцу пришлось попятиться назад, чтобы ему не разбили челюсть или череп.

Отпихнув рюкзак подальше, Гантер сильно лягнул Мансура в живот и в пах. Пока жертва корчилась и пыталась отдышаться, он схватил свою добычу. Однако вес рюкзака заставил его остановиться. Он замер на несколько секунд, закидывая тяжесть на плечо; Мансуру хватило времени для того, чтобы с трудом полезть под свою ветровку. Он бы закричал, если бы мог, – привлек внимание Гантера к глушителю на

оружии, заставил тупого англичанина бросить рюкзак, пока не стало поздно, — но в его легких не осталось воздуха. А он не мог выпустить рюкзак из виду; это был бы конец всего.

У Фараджа Мансура не осталось другого выхода.

Звук выстрела был не громче треска от переломленного прутика.

Глава 13

Сжимая рукой в перчатке секатор, Анна Лейкби целеустремленно шла по бордюру из декоративной осоки, окаймляющему лужайку, и выдирала засохшие стебли. Утро было погожим, прохладным и ясным, и ее резиновые сапоги оставляли отчетливые отпечатки на покрытом ином дерне. Трава высотой до плеч мешала ей взглянуть на пляж внизу, но за ним посверкивало коричневатое море.

В молодости Анну считали «статной». Однако с возрастом ее длинное лицо усохло и стало костлявым. Выносливая, нетребовательная – опора местных благотворительных организаций и добрых дел, – в здешнем обществе она считалась популярной фигурой. В Марш-Крик и окрестностях трудно было найти мероприятия, на которых не раздавался бы ее громкий смех, напоминавший ржание. Анна, как и дом, в котором она жила, стала кем-то вроде местной достопримечательности.

Несмотря на тридцать пять лет брака, Анна так и не полюбила серый особняк в поздневикторианском стиле, который достался ее мужу по наследству. Дом построил прадед Перри; он вырос на месте гораздо более изящного строения, сгоревшего дотла. Анна считала свой дом суровым и неприветливым. Зато парк составлял ее гордость и радость. Старая кирпичная кладка, лужайка, которая тянулась до самого

берега моря, тонкие переливы оттенков и структур в цветочных и травянистых бордюрах – все это доставляло ей глубокое, неизменное удовольствие. Анна усердно ухаживала за парком и несколько раз в году пускала туда публику. Ранней весной люди приезжали издалека, чтобы полюбоваться подснежниками и аконитами.

Вкладом Перри в их брак стал дом; однако, кроме дома, он не привнес ничего. Анна, родившаяся в семье местного помещика, после смерти родителей получила большое наследство и следила за тем, чтобы у них с мужем были отдельные счета. Многие нашли бы такие отношения нежизнеспособными, но Анне и Перри удавалось сосуществовать без лишних трений. Она привязалась к нему, ей нравилось в его обществе, и в определенных пределах готова была баловать мужа, позволяя мелочи, которые его радовали. Но ей хотелось знать, что происходит в его жизни, а сейчас она этого не знала. Что-то случилось.

Осока шелестела на холодном ветру. Убрав секатор в карман, Анна приблизилась к тропинке, ведущей на берег моря. Ее, как и лужайку, еще покрывал иней, однако Анна заметила, что по берегу недавно тащили что-то тяжелое. Наверное, этот проклятый Гантер. Она нечасто видела его самого, зато все время замечала следы его присутствия – сигаретные окурки, тяжелые следы, и это все больше раздражало ее. Стоит дать Рэю Гантеру палец, он всю руку отхватит. Рэй знал, что не нравится ей, однако ему было все равно. Почему

Перри мирится с тем, что Гантер вечно шляется туда-сюда по их владениям, ночью и днем? Она понятия не имела.

Анна повернула к дому. Травяной бордюр отмечал конец самого парка. Лужайку окаймляли замерзшие клумбы с низко подстриженными розовыми кустами. Парк был окружен кирпичной стеной, над которой на фоне зимнего неба возвышались клены и другие лиственные деревья. Увидев их, Анна ненадолго обрадовалась, но тут же вспомнила вторую причину своего раздражения: Диана Мандэй решила открыть свой парк для публики в тот же день, что и Анна.

Что на нее нашло, одному Богу известно. Она ведь знала – или ей следовало знать, – что Лейкби всегда открывали ворота для публики в последнюю субботу перед Рождеством. В такое время года в парке мало на что можно любоваться, однако это была традиция: люди платили несколько фунтов, чтобы просто погулять по парку. Вся прибыль шла на бригаду Скорой помощи Святого Иоанна; после посещения парка все, верующие и нет, шли на рождественскую службу в церковь, после которой угощались сладкими пирожками.

Но кто поймет таких людей, как Мандэй? У них приличный дом на другом краю деревни, точнее, изящный особняк в георгианском стиле стоимостью несколько миллионов фунтов. За дом уплачено из щедрого жалованья и премий, которыми сэр Ральф Мандэй считал удобным награждать самого себя в последние годы службы в Лондонском Сити. И парк в «Крик-Мэнор» тоже был неплох – конечно до того,

как Диана приложила к нему свои наманикюренные ручки. Теперь он полон фонарей, причудливых шпалер и ужасных быстрорастущих хвойных деревьев. И еще бассейн! Можно подумать, у них римская вилла... И розовая пампасная трава... Продолжать можно до бесконечности. Парк Мандзев не имел никакого отношения к садоводству. Все в нем кричало о кичливом выставлении богатства напоказ.

Само по себе это неплохо, решила Анна, не все рождаются в привилегированных семьях. Ей не хотелось казаться противной и душной. Но дурочка Диана могла хотя бы проверить дату! Не так уж и трудно, в конце концов!

В ход ее мыслей вмешался рокот самолетов. Анна задрала голову. Три истребителя ВВС США лихо чиркали по ярко-голубому небу, оставляя белые следы. Наверное, из Лейкенхита, подумала она. Или из Милденхолла. Сколько, интересно, миль они способны пролететь на одном галлоне керосина? Наверное, довольно мало – совсем как на нелепо огромном полноприводном «джипе» Дианы. Кстати... перед домом еще до завтрака сновали туда-сюда патрульные машины. Из ряда вон! Иногда их деревня напоминает Пикадилли-Серкус.

Анна зашагала по тропинке к морю. «Холл» и парк располагались на холме, ограниченном с востока и запада открытыми приливными полосами. Во время прилива их поглощало море, но во время отлива они обнажались и превращались во владения бакланов, крачек и куликов. На даль-

нем конце отмели, за парком, находился галечный пляж, который здесь называли «Холл-Бич». Единственное место на несколько миль в обе стороны, откуда можно было выйти в море на судне; кусок пляжа обеспечивал супругам Лейкби относительное уединение. Точнее, обеспечивал бы, раздраженно подумала Анна, если бы Гантер не держал там свои лодки и сети.

Под ногами скрипела галька; Анна вдыхала соленый морской воздух. Она вспомнила, что накануне ночью задувал сильный ветер, но море уже успокоилось. Глядя на горизонт, она наслаждалась тихим шелестом волн при отливе и вдруг что-то заметила на мокрой гальке у своих ног. Нагнувшись, она подняла крошечную серебряную ладошку, нечто вроде талисмана. Красивая, рассеянно подумала Анна и сунула талисман в карман дутой куртки. Пройдя еще несколько шагов, она резко остановилась, гадая, откуда здесь взялась серебряная ладошка.

Глава 14

Придя на работу в 8:30, Лиз увидела на столе сообщение от диспетчера: срочно связаться с Судаком. Покосившись на кружку с надписью «ФБР», она задумалась, будет ли очередь к чайнику, включила компьютер и снесла зашифрованный файл Фрэнки Ферриса. Он оставил ей номер телефона-автомата в Челмсфорде и просил ее звонить в назначенный час, пока он не ответит.

Она позвонила в 9:00. Феррис ответил после первого же гудка.

– Можешь говорить? – спросила Лиз, доставая карандаш и блокнот.

– Пока да. Я на многоуровневой парковке. Но если повешу трубку, ты... дело в том, что при сбросе кого-то прикончили.

– То есть убили?

– Да. Вчера ночью. Не знаю где и не знаю подробностей, но, похоже, была перестрелка. Истмен совсем свихнулся, проклинает мусульман, пакистанцев и так далее...

– Фрэнки, ближе к делу. Начни сначала. Тебе что-то сказали или ты что-то подслушал в кабинете Истмена?

– Я сразу пошел к нему. Он сидит в промзоне Риттл, которая...

– Говори по делу, Фрэнки.

– Ладно. Я наткнулся на Кена Паркисса, он кладовщик

Истмена. Он велел не подниматься, все собрались наверху, а босс, похоже, совсем спя...

– Потому что кого-то убили во время передачи партии?

– Да.

– Знаешь, что именно привезли с той партией?

– Нет.

– Он сказал, где это произошло?

– Нет, но, по-моему, где-то на берегу. По словам Кена, Истмен предупреждал колбасников, что они перегружают систему. Типа, когда заканчиваются проблемы у них, они начинаются у него. И опять насчет грязных пакистанцев и тому подобное.

– Ты говорил с самим Истменом?

– Нет, я последовал совету Кена и затаился. Увижусь с ним позже.

– Фрэнки, зачем ты мне все это говоришь? – спросила Лиз, хотя уже знала ответ.

Фрэнки прикрывает собственный зад. Если Истмен пойдет ко дну, что вполне может произойти, когда начнут расследовать убийство, Фрэнки не хочет тонуть вместе с ним. Его желание – иметь возможность договариваться, пока у него еще остались на руках карты. С другой стороны, если Истмен выкрутится, Фрэнки хочет по-прежнему работать на него.

– Я хочу тебе помочь, – обиженно пробурчал Фрэнки.

– Ты говорил с Моррисоном?

– Я с этим подонком не разговариваю. Буду иметь дело только с тобой, или сделка отменяется.

– Фрэнки, нет никакой сделки, – вздохнула Лиз. – Если у тебя есть сведения, связанные с убийством, ты обязан сообщить в полицию.

– Ничего достоверно не знаю, – возразил Фрэнки. – Только то, что сказал тебе, да и это все слухи.

Он помолчал.

Лиз тоже молчала и ждала.

– Наверное, я мог бы...

– Продолжай.

– Я бы... посмотрел, что можно выяснить. Если ты хочешь.

Лиз задумалась. Она не хотела перебегать дорогу Специальной службе угрозыска Эссекса, но Фрэнки казался непреклонным: с Моррисоном он общаться не желал. Ладно... После она все передаст Моррисону напрямую.

– Как с тобой связаться? – спросила она наконец.

– Дай твой номер. Я тебе позвоню.

Лиз продиктовала ему номер, и Фрэнки оборвал разговор. Она посмотрела на кое-как нацарапанные записи. Немцы. Арабы. Пакистанцы. Перегружают систему... О чем речь? Похоже... Мелвин Истмен занимался запрещенными препаратами. Его обычный товар, так сказать. Но многие его соратники переключаются на контрабанду людей. Ввозят экономических мигрантов из Китая, Пакистана, Афганистана

и Ближнего Востока в обмен на щедрую плату наличными. Трудно устоять, когда ты подкупил пограничников и налажена надежная линия транспортировки.

Но Истмен, насколько было известно Лиз, не вел дела с Азией. Он не такой. Он знал свой «потолок» и не желал конкурировать с афганцами, косоварами и китайскими «змееголовками», которые специализируются на контрабанде людей. В конечном счете Мелвин Истмен – мелкий преступник из Восточного Лондона. Он локальный игрок, по сути, у него франшиза. Голландцы руководят полудюжиной, не меньше, таких же по всей Великобритании.

Так что связывает Истмена с немцами, арабами и пакистанцами? Кого убили? И, самое главное, связаны ли его аферы с террористами?

По-прежнему глядя в свои записи, Лиз позвонила в Специальную службу в Челмсфорде. Назвавшись кодом, принадлежащим контртеррористическому отделу, она спросила, не поступали ли утром сообщения об убийстве.

Ответом ей послужило короткое молчание, во время которого она слышала кликанье по клавишам. Потом ее соединили с дежурным.

– Ничего, – ответил тот. – Совсем ничего. У нас было сообщение о том, что вчера вечером у входа в ночной клуб в Брайнтри разрядилось огнестрельное оружие, но... Подождите минуту, мне что-то говорят...

Последовала короткая пауза.

– Норфолк, – сказал дежурный через несколько секунд. – Судя по всему, в Норфолке рано утром произошло убийство, но подробностей у нас еще нет.

– Спасибо! – Лиз набрала номер Специальной службы Норфолка.

– У нас была стрельба, – подтвердил дежурный в Норидже. – Фейкенем. Сегодня в шесть тридцать утра. Место – туалет рядом с кафе для водителей и круглосуточной стоянкой для большегрузов. Жертва – местный рыбак по имени Рэй Гантер. Делом занимаются детективы, но мы тоже направили туда человека, потому что возникли вопросы в связи с оружием.

– Что за вопросы?

– Согласно баллистической экспертизе, стрелявший применил... – собеседник Лиз зашелестел бумагой, – снайперский патрон 7,62 мм с бронебойной пулей.

– Спасибо. – Лиз записала ответ. – Как зовут вашего человека, которого вы туда отправили?

– Стив Госс. Нужен его номер?

– Да, пожалуйста.

Записав номер, Лиз нажала отбой. Несколько минут смотрела в свои записи. Она не была экспертом по оружию, но прекрасно понимала, что бронебойные патроны такого калибра применяют в основном военные или бывшие военные. 7,62 – калибр «Калашникова» или старой британской самозарядной винтовки. Оружие под патроны такого калиб-

ра идеально на поле боя, но для убийства с близкого расстояния довольно громоздко. Кстати, почему бронебойная пуля? Что там произошло?

Она думала и думала. Как ни крути, выглядит все плохо. Понимая, что все бессмысленно, но послушная долгу, она позвонила Бобу Моррисону. Снова офицер Специальной службы перезвонил ей из телефона-автомата, но на этот раз качество связи оказалось лучше. Слышал об убийстве в кафе для водителей, сказал он, но без подробностей. О жертве, Рэе Гантере, он ничего не знал.

Лиз повторила то, что рассказал ей Феррис. Моррисон отвечал сухо, и она почувствовала, как Моррисона злит, что его информант, пусть и бесполезный, отчитывается не перед ним, а перед ней.

– Судак говорит, что Истмен был вне себя от ярости, – сказала Лиз. – Орал про пакистанцев, арабов и про то, что система перегружена.

– На месте Истмена я бы тоже был вне себя от ярости. Меньше всего ему нужны проблемы на его территории.

– А Норфолк на его территории?

– Да... на границе.

– Высылаю подробности разговора с Судаком. Надо?

– Да, конечно. Повторяю, я не верю ни слову из того, что говорит этот засранец, но, если хочешь, перешли мне то, что он сказал.

– Уже пересылаю, – ответила Лиз и нажала отбой.

Интересно, передаст ли Моррисон их разговор своему начальству в Специальной службе Норфолка? Скорее всего, да. А может, не передаст, а утаит из чувства противоречия. Такой способ поставить ее – Лиз – на место, и, если кто-то потом будет спрашивать, он может сказать, что Судак – скомпрометированный и ненадежный источник сведений.

Чем больше Лиз обо всем думала, тем больше убеждалась: Моррисон никому ничего не скажет. Он типичный бюрократ; всю жизнь неуклонно выбирает путь наименьшего сопротивления. Чем ценнее оказывались сведения Фрэнки, тем хуже выглядел Моррисон, потому что плохо обращался с агентом. Скорее всего, он просто похоронит все, что ему стало известно, против чего Лиз нисколько не возражала. В конце концов, это значит, что у нее собралось больше кусочков головоломки, чем у всех остальных. Все как она любит!

С карандашом в руке она смотрела на свой блокнот и подчеркнутые заголовки. Что они ей говорили? На какие предположения наталкивали? Что-то – или кого-то – доставили в страну морем из Германии и «сбросили» где-то «на мысу». «Сброс» имеет отношение к Мелвину Истмену, но не связан с его основными сферами деятельности; более того, у нее сложилось впечатление, что Истмена просто заставили участвовать, и главный в операции – не он. Тем временем на автостоянке рядом с побережьем нашли убитого рыбака – скорее всего, владельца судна. Его застрелили из оружия, которое, судя по всем данным, могло быть военным.

Потянувшись к клавиатуре, Лиз вывела на монитор подробную карту с Фейкенемом в центре. Городок находился примерно в десяти милях южнее Уэллса-Некст-зэ-Си, который разместился на длинном северном побережье Норфолка. Уэллс был самым большим городком на расстоянии добрых двадцати миль вдоль этого северного побережья, солидную часть которого занимали солончаки и заливчики, россыпи деревушек, заповедники пернатой дичи и крупные частные усадьбы. Немноголюдная местность, граничащая с морем. Наверное, там есть несколько спасательных станций и яхт-клубов, но во всем остальном – идеальное место высадки для контрабандистов. И меньше чем в трехстах милях от портов Германии. Выйди незаметно из Куксхафена или Бремерхафена в сумерках, и через тридцать шесть часов ты можешь раствориться в одной из узких бухточек под прикрытием предрассветного сумрака.

Опять Бремерхафен! То место, где Фараджу Мансуру изготовили фальшивое британское водительское удостоверение. Есть ли тут какая-то связь? Из глубин памяти тихо, но настойчиво всплывал доклад Бруно Маккея о предположении, что одна из террористических организаций собирается запустить в Великобританию «невидимку».

Может ли оказаться тем «невидимкой» Фарадж Мансур? Вряд ли. «Невидимка» почти наверняка обладает англосаксонской внешностью. Так кто же такой Фарадж Мансур и что он делал в Бремерхафене, где купил фальшивое водитель-

ское удостоверение? Может, он – гражданин Соединенного Королевства, у которого отобрали права, и он хотел получить «чистый» документ? Бремерхафен – известный источник фальшивых паспортов и других документов, удостоверяющих личность. Судя по тому, что Мансур не купил паспорт, такой документ ему не нужен. Значит, он гражданин Великобритании. Проверял ли это кто-нибудь?

Лиз написала: «Мансур». Подчеркнула имя и добавила: «Британский гражданин?»

Если он не гражданин Великобритании, есть два варианта. Он прибыл в Соединенное Королевство по поддельным документам, приобретенным в другом источнике в другое время. Или, что куда серьезнее, он прибыл в Великобританию таким способом, что паспорт ему не понадобился. Значит, его приезд должен остаться неизвестным властям. Возможно, он большая шишка в ИТС. Связной Дауда аль-Сафы, а его работа в пешаварской автомастерской – лишь прикрытие для террористической деятельности. Независимо от состояния его документов, он не мог рисковать и проходить таможенный досмотр.

Все инстинкты, все чувства, отточенные за десять лет службы в контрразведке, подсказывали Лиз: речь идет об угрозе. Если бы ее спросили, она с трудом описала бы, что чувствует; все было связано с тем, как сочетались и оформлялись в ее подсознании частицы информации. Однако Лиз приучилась доверять своему чутью. Она давно поняла, что

определенные сочетания – какими бы неполными и смутными они ни казались – неизменно предвещали недоброе.

Под словами «Мансур. Британский гражданин?» она приписала: «Еще работает в автомастерской?»

После методичного изучения карты северного побережья Норфолка она обнаружила несколько возможных мысов. Самый западный из них, Гартон-Хед, выдавался на несколько сотен ярдов в море от заповедника Стиффки-Маршиз. Милых в десяти западнее имелся безымянный, но такой же протяженный мыс на заливе Холкэм-Бэй. Оба мыса казались вполне пригодными для высадки с моря. Третьим был крошечный мыс, который выходил в Бранкастер-Бэй. Он находился на краю деревни под названием Марш-Крик в паре миль к востоку от Бранкастера.

Лиз еще раз осмотрела все три мыса и постаралась увидеть карту глазами контрабандиста. Все три мыса имели общие черты; на каждом есть участок земли, окруженный приливными полосами, заливаемыми при приливе и обнажаемыми при отливе. Скорее всего, мыс у Бранкастер-Бэй, который находился рядом с деревней Марш-Крик, – наименее вероятное место для высадки, поскольку на самом мысу стоял чей-то огромный дом. Человек, владеющий недвижимостью такого размера, вряд ли позволит, чтобы в его владениях распоряжались контрабандисты и прочие. Правда, возможно, владельцы там не живут... Трудно сказать, глядя на небольшую карту на мониторе. Надо будет все проверить на

месте.

Через пять минут она сидела в кабинете Уэзерби, и Уэзерби улыбался своей кривоватой улыбкой. Со стороны, подумала Лиз, его можно принять за церемонного педанта, который носит грубые башмаки и велосипедные зажимы, которому уютнее в каком-нибудь замкнутом пространстве, чем во главе высокотехнологичного контртеррористического отдела. У него на столе стояли две фотографии в рамках, похожих на кожаные. Кто на фото, Лиз не видела.

– Как по-вашему, что вы там найдете? – спросил он.

– По крайней мере, я хочу вычеркнуть вероятность того, что там готовится террористическая операция, – ответила Лиз. – Меня, как и сотрудников Специальной службы полиции Норфолка, беспокоит калибр оружия. Не зря они отправили туда своего человека. Чутье и звонок Судака подсказывают мне, что в операции каким-то образом задействовали Истмена и его подручных.

Уэзерби задумчиво крутил между пальцами темно-зеленый карандаш.

– Специальная служба в курсе звонка Судака?

– Я передала сведения в Эссекс Бобу Моррисону – сейчас Судака ведет именно он. Но почему-то мне кажется, что Моррисон эти сведения никуда дальше не передаст.

– Для нас это не обязательно плохо, – кивнул Уэзерби. – И даже совсем не плохо. Да, я считаю, вам стоит съездить туда и, не поднимая шума, переговорить с сотрудником Спе-

циальной службы – как его фамилия?

– Госс.

– Вы переговорите с Госсом и посмотрите, что и как. Пусть думают, будто вы интересуетесь организованной преступностью. Я подожду вашего доклада. Если что-то покажется вам подозрительным, я поговорю с Фейном, и мы сразу начнем действовать. И если там нет ничего для нас... что ж, у нас будет о чем поговорить на совещании утром в понедельник. Вы уверены, что Судак просто не выдумал все?

– Нет, – откровенно призналась Лиз. – Не уверена. Судак из тех, кто постоянно жаждет внимания, а по словам Боба Моррисона, сейчас он плотно завяз в азартных играх, то есть у него почти наверняка финансовые трудности. Во всех смыслах он ненадежный агент. Но это не значит, что в данном случае он не говорит правды... – Она помолчала. – Мне не показалось, что он все выдумал. Он был напуган до смерти.

– Если таково ваше суждение, – Уэзерби вернул карандаш в керамическую банку из-под джема «Фортнум энд Мейсон», – я согласен, что вам стоит туда поехать. Кстати, только патрон под калибр 7,62 дает основание предполагать, что убийство не было результатом ссоры двух отмороzków. Или операции по контрабанде людей, где что-то пошло не так. А может быть, Гантер просто оказался не в том месте не в то время и увидел то, чего не должен был видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.